

Тайна Емельяна Пугачева

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ А.С. ПУШКИНА «ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА»

Моим любимым внукам — Ксении и Максиму посвящаю

I

В смутное сие время, по казачьим дворам
штался неизвестный бродяга,
нанимаясь в работники
то к одному хозяину,
то к другому...

А.С. Пушкин

Лев Анисов — писатель-историк — родился 5 февраля 1942 года в Москве, в историческом Замоскворечье. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Его перу принадлежат книги о художниках И.И. Шишкине, Александре Иванове и собирателе русской живописи П.М. Третьякове, выходившие в разные годы в популярной серии «Жизнь замечательных людей», о знаменитых московских святителях Платоне и Иннокентии. Автор исторических публикаций во многих московских журналах и газетах. Член Союза писателей СССР с 1989 года. С 1998 по 2001 год — секретарь правления Союза. Преподавал историю русской живописи и историю русской литературы в Московской Духовной Академии. Действительный член международной Академии Русской словесности. В 2018 году присвоено звание «Народный писатель России».

От редакции: Лев Анисов, историк и литератор, любезно предложивший журналу «Сибирь» завершённое в последней редакции очерковое повествование о судьбе самозванца Емельяна Пугачева, об истории Пугачевского бунта, открывает документально подтвержденные тайны зарождения бунта в европейских державах, враждебных России, в среде российских аристократов, приближенных к царскому двору, в их тайной и явной борьбе за власть.

* * *

Несколько лет назад, работая над книгой о митрополите Платоне (Левшине), довелось изучать хронику дворцовых событий накануне совершеннолетия и женитьбы ученика Владыки — цесаревича Павла Петровича (сентябрь/октябрь 1772 — сентябрь 1773 гг.). Тогда и обратил внимание на удивительное совпадение: в пору, когда Екатерина II должна была передать власть сыну, на Яике появился Емельян Пугачев, и началась трагедия, связанная с его именем.

Надо сказать, ситуация при дворе была непростая. Согласно договоренности с братьями Орловыми и Паниными, возведшими Екатерину II на престол, она, по достижении сыном совершеннолетия, должна была передать власть ему. Но отдавать власть ей явно не хотелось. И вот в пору, когда в России и Европе с обостренным вниманием ждали разрешения конфликта, в Петербург пришло известие о самозванце, «всклепавшем» на себя имя покойного императора.

Случайное совпадение фактов или же невидимая связь всё-таки соединяла два события — вот что интересовало меня всего более. Но чем более вникал в документы, тем больше недоуменных вопросов возникало у меня. Взять хотя бы один из них: откуда у беглого дезертира Емельяна Пугачева взялись деньги на вооружение многотысячной армии?

Знакомство с материалами пугачевского бунта приводило к заключению, что далеко не все так просто в этом деле, как приучали нас со школьной скамьи. Я задал себе волнующий меня вопрос: **откуда у Пугачева взялись деньги?**

* * *

Появление Емельяна Пугачева на Яике весьма напоминает историю появления лже-царевича Дмитрия I в Речи Посполитой. Вспомним время царствования Бориса Годунова.

Умно и деятельно правил Годунов государством: довершил покорение Сибири, строил новые города в России, заботился о народной нравственности, пользовал иностранцев для нужд России.

Друг его, первый русский патриарх Иов, заботился о распространении веры Христовой между татарами казанскими и среди инородцев Сибирского царства.

И вот, в пору всеобщего спокойствия и благоденствия, в народе начал распространяться слух о том, что царевич Дмитрий не погиб, а спасен близкими людьми. Тревога и подозрительность овладели царем. Тела убиенного царевича он сам не видел. А если сын Грозного жив, то ему, царю Борису, придется сойти с престола. Но если и нет царевича, а объявился дерзкий самозванец, то и он — враг очень опасный. Нужно было узнать истину.

Взволновать народ было нетрудно. Врагов у царя Бориса множество. Молва о том, что он подсылал убийц в Углич, гуляла по Москве. Явись смелый обманщик да назовись царевичем Димитрием, в народе могли подняться великие смуты.

Особенно много врагов у царя Бориса было среди бояр. Они никак не могли забыть, что еще совсем недавно он был с ними равен. Многие из них считали свои права на престол сильнее его прав; не могли они забыть и того, что члены их родов были погублены им еще при Феодоре; еще при Феодоре начали распространяться неприязненные слухи о нем. Зависть, как говорится, глаза застит.

Царь Борис оказывался в затруднительном положении. Ему надо было искать неведомого врага, не обнаруживая страха перед ним. Обнаружат, так сами и сотворят лже-царевича. А всего же более к тому склонны бояре. Но кто из них? Начались подкупы и доносы...

Отметим, в числе первых опальных оказались братья Романовы-Юрские — ближайшие свойственники царя Феодора Ивановича. Один из слуг Александра Никитича Романова донес Борису, что у хозяина хранятся «колдовские зелья-корешки». В доме Александра Никитича был сделан обыск. В кладовой нашли мешок с какими-то корешками. Улики хватило для осужденного боярина и его братьев. Современники, правда, полагали, зелье подбросил сам доносчик, в надежде получить награду от царя. Романовых истязали при розыске, осудили как изменников, и разослали всех по дальним местам русской земли.

Старшего и самого даровитого из Романовых, Федора Никитича, насильно постригли в монахи с именем Филарета и сослали в отдаленную Сийскую обитель преподобного Антония. Сюда не пускали даже и богомольцев, чтобы кто-нибудь не доставил письма невольному иноку. Супругу его, Ксению Ивановну, постригли под именем Марфы и заточили в один из Заонежских погостов. Их детей, Михаила и Татьяну, отправили в ссылку в Белоозеро. Братья Федора Никитича томились в душных землянках и умерли (кроме Ивана Никитича) от лишений и жестокости приставов. Приставы эти должны были зорко следить за узниками и доносить, что узнают.

Не станем рассуждать, почему Романовы вызвали такую подозрительность и недоверчивость у царя Бориса. Наказание для них было крайне суровым и до того неслыханным. Ведь Годунов наказывал не одного виновного человека, как делал Иван Грозный, а пытался извести целый род именитых бояр, исключая их малолетних детей.

Были или не были на то причины, о том позже.

В 1601 году пришла к Борису беда не меньшая, чем начавшийся в стране голод, вызванный необычайной засухой. Не потомки Рюрика, не князья и вельможи, гонимые им, ополчились на него, а восстал на него неизвестный бродяга именем младенца, давно лежавшего в Угличской могиле.

Явился Самозванец в Речи Посполитой. Много беглых в ту пору поступало на службу к тамошним воеводам. Оказался среди них и сын небогатого Галицкого боярина Богдана Отрепьева Григорий, род которого вёл начало от выходца из Литвы. (...)

Вернемся к Пугачеву. Вспомним его появление на Яике.

В 1858 году замечательный уральский писатель, этнограф и большой знаток

жизни уральского казачества И.И. Железнов¹ проехал по следам Пушкина в Оренбуржье и на Южном Урале. Он, едва ли не первый в русской литературе, сказал о том, что «не казаки создали самозванца, а самозванец обольстил казаков». «Сама великая государыня, — писал Железнов, — так сказать, чувствовала, что казаки заблуждались от невежества, и что злодей Пугачев зародыш злого умысла в голове вынес из Польши, уже и прежде виновной в подставе самозванцев, или, по крайней мере, в помощи им».

И.И. Железнов написал «Критическую статью на историю пугачевского бунта А.С. Пушкина», вошедшую в книгу «Уральцы. Очерки быта уральских казаков» (1858). Книга же, включающая в себя воспоминания старожилов о Пугачеве, не увидела свет при жизни автора. Она была опубликована лишь в 1910 году.

В упомянутой «Критической статье...» читаем следующее: «...Я знавал на Урале старого и слепого, но умного и рассудительного казака, жителя Красноярского форпоста, М.М. Бакирова (ныне уже не существующего), которому, по словам его, во время Пугачевского бунта было 18 лет от роду. Из разговоров с Бакировым я узнал, что Пугачев, как бездомный скиталец, шатаясь по казачьим селениям из дома в дом и изучая характер и образ мыслей казаков, остановился, наконец, в доме Данилы Шелудякова², показавшегося ему вероятно энергичнее других. Дни Пугачев проводил в простой работе, какую назначал ему хозяин, а на ночь уходил в отведенный ему для житья амбар, и там запирался. По полуночам он зажигал огонь и молился Богу, или только притворялся, что молится — все равно; дело в том, что каждую ночь в амбаре его светился огонь. Однажды Шелудяков, выйдя из избы на двор, заметил это и возымел подозрение.

«Уж не ворожец ли, иль не шпион ли какой этот работник?» — подумал казак и стал после того наблюдать за поступками Пугачева, чего, конечно, тот и добивался.

Убедясь, что Шелудяков подслушивал за стеной амбара, хитрый беглец дал волю своему изобретательному и пронырливому уму. Стоя перед иконой и отвешивая частые земные поклоны, он читал молитвы, но нарочно возвышал голос, чтоб быть слышиму. Молясь, Пугачев часто упоминал слова: «Импе-

¹Железнов, Иоасаф Игнатъевич [12(24).XI.1824, Гурьев, — 10(22).VI.1863, Уральск] — русский писатель, фольклорист, этнограф. Сын казака. Окончил Уральское войсковое училище (1841). В 1853–62 жил в Москве, где сблизился с кружком А.Н. Островского. Опубликовал книгу очерков «Уральцы» (1858). Записи былин, исторических песен и др. составили сборники «Предания и песни уральских казаков» (1859), «Сказания уральских казаков» (1861). «Предания о Пугачеве» (опубл. 1888) при жизни Железнова были запрещены цензурой. Преследования со стороны властей привели его к самоубийству. Соч.: Уральцы. Очерки быта уральских казаков, Полн. собр. соч., 3 изд., т. 1–3 [биогр. очерк Н.А. Бородина], СПб, 1910.

²Любопытные сведения о Даниле Шелудякове находим в книге уральского литературоведа Н.М. Щербанова «Поехал я в Уральск... А.С. Пушкин и Приуралье». ЗГУ, «Оптим», Уральск-2006, Стр. 131-132: «Во время уральской поездки Пушкин проявил особый интерес к мятежному фольклору, связанному, прежде всего, с первоначальным этапом пугачевского движения, а также с волнениями и бунтами яицкого казачества в 1772 году. Пушкина интересовала жизнь Пугачева на Урале до начала восстания. В примечании ко второй главе «Истории Пугачева» он написал: «Пугачев на хуторе Шелудякова косил сено». Шелудяков был видным участником подготовки восстания, любимцем Пугачева. Его имя упоминается Пушкиным несколько раз. В записках поэта из бумаг Н.Н. Бантыш-Каменского есть более пространная запись о нём: «Данила Шелудяков, отставной казак, давал на своих хуторах убежище белым разбойникам. Пугачев косил у него сено. Пугачев звал его своим отцом и без него ничего не предпринимал». Во время осады Оренбурга Шелудяков попал в плен. Настоячивые попытки Пугачева освободить его остались безрезультатными. «Он, — пишет Пушкин, — показал большое мужество во время пыток, от которых и умер». Упоминает Пушкин еще одного из тех «хозяев», у которых Пугачев принимался за «всякие ремесла»: «Вас. Плотников. Пуг[ачев] у него работником». Вместе с главными пособниками Пугачева он был судим и отправлен на каторжные работы в Прибалтику, где вскоре заболел и умер. И Шелудяков, и Плотников были теми казаками, которым впервые доверился Пугачев. Сведения о них Пушкин почерпнул из народных свидетельств. Они записаны поэтом в Уральске со слов их родственников или близких людей. Именно со слов, потому что архив в Уральске Пушкин не посещал. — Прим. автора.

ратор», «Наследник», «Престол», «Враги», и т.п., словом, высказывал целые фразы, которые, как острие ножа, впивались в сердце Шелудякова, мутили и будоражили ум его.

Некоторое время Шелудяков молчал, наконец, не вытерпел: затронутое любопытство взяло верх над страхом. Раз, когда Пугачев упражнялся в хитрой комедии, Шелудяков внезапно постучался к нему в дверь. Пугачев, загасив теплившуюся пред иконой свечку, впустил его, притворяясь притом оторопелым и испугавшимся.

— Что ты тут делаешь? — спросил Шелудяков Пугачева.

— Ничего, сплю, кормилец, — отвечал Пугачев.

— Как спишь? Да у тебя сейчас, я видел, огонь светился.

— Ах, батюшка!.. виноват!.. я и не хотел говорить тебе... грешный человек... я Богу молился... — проговорил, запинаясь, Пугачев.

— Знаю, знаю! — возразил Шелудяков. — А растолкуй-ка мне, что значит вот это.

Тут Шелудяков пересказал Пугачеву все то, что слышал, стоя за стеной амбара. Пугачев молчал, переминался. Шелудяков настаивал и еще больше приставал к нему. Наконец, Пугачев зарыдал, без сомнения, притворно, повалился в ноги казаку и дрожащим голосом произнес:

— Отец родной, кормилец ты мой! Помолчи, голубчик, не говори никому, если уж ты слышал... не выдай меня... Я уйду от тебя и скроюсь где-нибудь... я несчастный... я гоним судьбой...

Разумеется, этого было довольно для того, чтобы задеть и подстрекнуть любопытство необразованного казака, отуманить в нем рассудок и расшевелить чувства преданности к мнимому изгнаннику. Приведя здесь это известие, я спрошу благосклонных читателей: эта замысловатая и тонкая проделка хитрого Пугачева не напоминает нам первого самозванца, Лжедмитрия, выкинувшего почти такую же штуку в доме Вишневецкого?

Казак Шелудяков, мы знаем, наблюдал за поступками Пугачева, а Пугачев, без всякого сомнения, еще больше наблюдал за поступками Шелудякова и ставил на него хитросплетенные сети, в которые, по пословице, как кур в ощиц, и попался простак-казак, увлекши с собою и земляков своих, таких же, как сам, простаков-казаков.

Но это еще не все. Когда разнеслась молва, что в доме Шелудякова оказалась такая высокая особа, явился в хуторе, Бог знает откуда, неведомый человек, назвавшийся отставным солдатом. Услышав от казаков об этом чуде, солдат сказал:

— Что за диво такое? Покажите-ка мне его... я, быть может, узнаю, что это за птица такая... я служил в гвардии, видал Царя.

Казакам показалось это находкой. Они тотчас же привели солдата в дом, где находился Пугачев, чтобы узнать истину. Гордо, дерзко, с шумом и бранью, солдат переступил порог дома, в намерении, казалось, обличить самозванца, но, взглянув на Пугачева, сидевшего за столом, солдат повалился на пол и с подобострастием произнес:

— Каюсь в грехе своем...

Нужно ли говорить, что эта сцена поразила казаков и окончательно уверила

их, что Пугачев не самозванец?³ Жаль, что недалёковидность казаков помешала им обратить внимание на то, что и Пугачев, и солдат, по всей вероятности, были давнишние друзья, заранее подготовившие эту хитрую сцену, чтобы решительно овладеть умами казаков, которые дальше своего носа ничего не видели...»⁴

Несколько схожее опознание личности самозванца случилось 20 июня 1774 года, во время осады прикамского «пригородка» Осы. О том упоминает историк Евгений Трефилов в своей книге «Пугачев»⁵. Защитники Осы для опознания личности «амператора» выслали в повстанческий лагерь отставного гвардейца Петра Треногого, который служил в Петербурге и видал настоящего Петра III. По свидетельству пугачевского сподвижника Ивана Творогова, самозванец переоделся «в простое казачье платье», поставил в ряд человек двадцать казаков и «стал между ими». (Вспомним признание Пугачева на следствии: «произвесть в себе отличность от других» и «отличным быть всегда хотелось».)

Ввели гвардейца, чтобы он «узнавал из представленной шеренги государя». Треногий обвел взглядом казаков и, наконец, «установил глаза свои прямо на злодея, смотрел пристально». Пугачев прервал затянувшееся молчание:

— Што, старик, узнал ли меня?

— Бог знает, — отвечал бывший гвардеец, — как теперь признаешь? В то время был ты помоложе и без бороды, а теперь в бороде и постарее.

— Смотри, дедушка, хорошенько! Узнавай, коли помнишь!

Треногий долго смотрел на Пугачева, а потом сказал:

— Мне кажется, што вы походите на государя.

— Ну так смотри же, дедушка, — напутствовал самозванец, — поди, скажи своим-та, штоб не противились мне, а то вить я всех вас предаю смерти.

Если верить показаниям Творогова, бывший гвардеец на следующий день опять приходил «узнавать злодея». На этот раз Треногий уже не колебался: увидев самозванца, «закричал громогласно»:

— Теперь я узнаю, што ты подлинно наш надежа-государь!

— Ну, старичок, — сказал на это «амператор», — когда ты меня узнал, так поди жа, уговори своих «афицеров», штоб не проливали напрасно крови и встретили бы меня с честью.

Старик, подходя к крепости, закричал:

— Господа афицеры! Полно, не противьтесь, подлинно государь наш Петр Федорович!

Согласно показаниям Творогова, услышав эти слова, посаженные сдали Осу⁶.

Правда, сам Пугачев на допросе в Яицком городке рассказывал, что из пригородка «выслали отставнаго салдата меня посмотреть, подлинно ли я государь,

³«В полной версии <рассказа о первом появлении Пугачева на Яике>, записанной Железновым от семидесятилетнего старика-казака Толкачева в 1858 г., говорится о жизни «царя» у кого-то из казаков («у Толкачевых ли, у Пьяновых ли, у Шелудяковых ли») и о том, как это узнали. Царь, скрывая, кто он есть на самом деле, нанимается к казакам в работники. Случайно казаки узнают, кто он такой. Вначале царь служит кашеваром у «севрюга» (севрюжное рыболовство), где «даёт о себе наветки»: бросив в чашку или в котёл сухари, говорит: «Царь сухари ест». Казаки не догадываются о смысле этих слов, принимая их за шутку; придя «от севрюга», царь нанимается в работники к одному из казаков, живёт «по убожеству» в предбаннике. Хозяева подслушивают молитву работника за царевича Павла Петровича, которого он величает «рожденным чадом» своим. «Тут и раскусили его слова у севрюга «царь сухари ест»! Узнавшие об этом казаки «пристали к нему и с той поры Петр Федорович и «начал оперяться», «и пошёл, и пошёл кстить» господ». См.: Н.М. Щербанов «Поехал я в Уральск... А.С. Пушкин и Приуралье». ЗКГУ, «Оптим», Уральск 2006. С.132 — Прим. автора.

⁴И.И. Железнов. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. М., 1858.

⁵См.: Евгений Трефилов. Пугачев. М., Молодая гвардия, 2015. С. 249-250.

⁶РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 363.

которой вышел меня и смотрел и, не сказав, как я, так и он ничего, в город возвратился»⁷.

Да, немудрено было иным сообразительным людям не засомневаться в происхождении «амператора», слыша, что «речь его сбивается в черкасскую». По словам одного из главарей бунта яицкого казака Максима Шигаева, «самозванец имел наречие чистое, а иногда, прошибаясь, употреблял речи наподобие донских казаков, как то, например: «погоди трохи» и тому подобное». Иван Трофимов — автор некоторых пугачевских манифестов, на следствии заявил, что сразу понял, что перед ним донской казак, «понеже разговор его явно доказывает: Употребляет он вопросительное слово: «откель ты?» второе похвалительное «ладно», и весь разговор его мерзительный, подлый, а благородного и ученого слова ни одного не слышал...»⁸

А не схожи ли появления Лжедмитрия I в Речи Посполитой и Емельяна Пугачева на Яике. И если лже-царевича наострили на Русь латинские иезуиты, то кто стоял за Пугачевым? И стоял ли?

* * *

Что мы знаем о Емельяне Пугачеве?

Зимовейской станицы служилый казак. Сорока лет от роду. Украинец. Дезертировал из действующей армии. Бросил семью, детей. Скитался. Бежал в Польшу, скрывался между польскими и глуховскими раскольниками, в частности, жил в разбойничьей слободе Ветке. В начале 1772 года взял фальшивый паспорт с Добрянского форпоста, сказавшись выходцем из Польши, вернулся на родину и пробрался на Яик, кормясь милостынею.

Смел, с сильным воображением. Отличный наездник. В сложной ситуации мгновенно принимал нужное решение. Хорошо разбирался в людях. Харизматичен. Младший современник Е. Пугачева сенатор А.А. Бибиков писал о нем, что он отличался «силою телесною, мужеством, решительностью и пылкостью ума и чрезмерным честолюбием».

До личной встречи с Пугачевым следователь Савва Иванович Маврин, который первым допрашивал Пугачева (после сдачи его казаками), относился к нему свысока и отзывался с иронией. Это видно из письма от 12 августа 1774 года, посланного в Оренбург, в котором С.И. Маврин хвалился, что «намерен испытать свои силы и в военном ремесле, когда царь с бородою сюда пожалует, право хочется ухватить Емельку за бороду». Суждение С.И. Маврина изменилось после первой беседы с Пугачевым. Передавая свои впечатления о том, Маврин в рапорте начальнику секретных комиссий генерал-майору П.С. Потемкину сообщал: «Описать того невозможно» сколь Пугачев «бодрого духа», и когда речь зашла о несостоявшемся его намерении идти с войском на Москву «и далее», Пугачев смело и откровенно заявил, что «тут других видов не имел, как то, естли пройдет в Петербург, — там умереть славно, имея всегда в мыслях, что царем быть не мог, а когда не удастся того сделать, то умереть в сражении: «Вить все-де я смерть заслужил, так похвальней быть со славою убиту!» В тот день С.И. Маврин допросил Пугачева «на словах» (без составления протокола). На другой день, 16 сентября,

⁷Овчинников Р. В. Введение.// Емельян Пугачев на следствии: Сборник документов и материалов / Сост. Р.В. Овчинников, А. С. Светенко, М., 1997. С. 99.

⁸Пугачевщина: Сборник документов: в 3 т. / Подг. С. А. Голубцовым. М.; Л., 1926-1931. Т. 2. С. 106, 223, 389.

проводя допрос, С.И. Маврин проникся невольным уважением к Пугачеву, и это было вызвано тем, что тот держался с большим достоинством и мужеством. Это в известной степени отразилось на содержании яицкого протокола допроса, в котором не встречаются, как правило, откровенно злобные и уничижающие характеристики Пугачева.

Попутно заметим, в Яицком городке, пред тем, как отправить самозванца в камеру, его обыскали. При обыске обнаружили и отобрали 139 золотых червонцев, 480 серебряных рублей, одну турецкую монету и серебряную медаль на погребение Петра Первого⁹.

Как же мог простой и необразованный казак в короткий срок собрать много-тысячную армию и столь профессионально её организовать, что она была имперские войска? — спросит иной читатель.

Ответим на этот вопрос. Не такой уж он и необразованный, если в то время, когда началась Русско-турецкая война (1768–1774), был «командирован он, Емелька» в казачий полк Ефима Кутейникова, причем не рядовым казаком, а хорунжим (лейтенант артиллерии). Присвоенное звание означает, что Пугачев исправно нес казачью службу и был на хорошем счету у начальства, ибо «в оной чин выбран он, Емелька, был помянутым полковником Кутейниковым»¹⁰. Надо думать, имел склонность к математическим расчетам. И, учитывая, что восстание, руководимое им, являлось, похоже, следствием политической интриги, в которую втянуты были как европейские страны, так и тайные силы в России, можно предположить, что эти силы проделали для Пугачева большую подготовительную работу.

* * *

Еще несколько штрихов к его портрету.

Пушкин (из дорожной записной книжки): «Пугачев ехал мимо копны сена — собачка бросилась на него. — Он велел разобрать сено. Нашли двух барышень — он их, подумав, велел казнить».

Следующая запись:

<Преследуемый Михельсоном> «Пугачев бежал по берегу Волги. Тут он встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, он велел его повесить поближе к звездам».

У того же Пушкина: «27 июля (1774 года. — Л.А.) Пугачев вошел в Саранск. Он был встречен не только черным народом, но и духовенством и купечеством... Триста человек дворян всякого пола и возраста были тут же повешены...»

Во всех селениях, которые миновал Пугачев, на воротах барских дворов висели помещики или их управители.

Любопытную деталь находим в воспоминаниях В.И. Даля. Будучи «чиновником особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе», он в течение трех дней сопровождал Пушкина в поездке и был постоянным его собеседником и проводником по достопамятным «пугачевским» местам. В.И. Даль стал свидетелем того, как поэт слушал и записывал любопытные рассказы старых казаков, «Пушкин слушал все это — извините, если не умею иначе выразиться, с большим

⁹См.: Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками: Источниковедческое исследование. М., 1995. С. 37, 38.

¹⁰Емельян Пугачев на следствии: Сборник документов и материалов / Сост. Р.В. Овчинников, А.С. Светенко. М., 1997. С. 58, 130 См. также: Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой/ Публ. Г.В. Есипова //Древняя и новая Россия. 1778. Т. 1. № 4.. С. 366.

жаром и хохотал от души следующему анекдоту: Пугач, ворвавшись в Берды, где испуганный народ собрался в церкви и на паперти, вошел также в церковь. Народ расступился в страхе, кланялся, падал ниц. Приняв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: «Как я давно не сидел на престоле!» В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище. Пушкин назвал его за это свиньей и много хохотал...»

Из воспоминаний сенатора Павла Степановича Рунича:

«Рассказали нам также, что за варварство сделал с одной старушкой дворянкой Пугачев, при выезде из ее дома.

Дворянка сия оставалась в городе, имя которой у меня записано, но, по разбору чрез 46 лет моих бумаг, не мог отыскать сию записочку, но в памяти моей не забыл поступка, с нею приключившегося, ибо при разговорах иногда рассказывал я оный моим знакомцам.

Дворянка сия старушка была богата и чрезмерно скупа; хранила у себя всегда более 100 т. рублей золотой и серебряной монеты (кои соблюдала она паче души своей), о чем известно было всем, в городе живущим; но она всегда с клятвой отзывалась, что у нее никаких денег нет; вышла навстречу Пугачеву с хлебом и солью и упросила (удостоить ее дом своим посещением и въехать к ней) остановиться в ее доме.

Пугачев милостиво принял безбожной старухи сей приглашение и остановился со всем своим штатом у нее в доме, где и был угощаем (по старому обычаю баней и всем удовольствием). Проводив у нее ночь и поблагодарив старушку за ее доброе угощение, сел на своего коня, а старушка в радости своей пошла проводить своего благодетельного гостя за ворота (и только что в средину ворот вошла, то и поднята веревкой вверх и повешенная кончила все радости своей жизни, а дом) и все сокровища ее достались в наследство благодетелю ее, Емельяну»¹¹

Впрочем, приведем и другое воспоминание.

Гонимый Михельсоном, Пугачев с войском 28 июня 1774 года приблизился к селу Трехсвятскому (будущему городу Елабуге). Было под вечер. Сельчане, боясь за себя и детей (бывало, разбойники хватали малюток за ноги и о фундамент дома разбивали им головы), «после долгих и тяжелых дум, не находя никакого исхода, решились наконец идти на встречу с Иконой Спасителя, на которую надежда в то несчастное время была столько спасительна. Они твердо были уверены, что пойдут встречать не императора Петра III, а злодея, которому Промысл попустил на время быть владыкою в жизни и смерти.

Пугачев чувствовал себя нездоровым. Ночью болезнь не давала успокоиться ему. Такое мучение и беспокойство он счел следствием своего кровавого приговора, и когда мысленно отменил его, — стало ему легче. В таком неопределенном состоянии духа и ехал он на встречу с жителями Трехсвятского.

Увидев встречающих, остановился, остановились и полчища его и, в ожидании его приказаний, утихли: настала минутная тишина. Старшина селения с селянами пали ниц, думая, что головы их, лежащие на земле, тут и останутся. Пугачев слабым, болезненным голосом вдруг сказал им: «Вы, мятежники, бунтовщики, не сдавались?» Ему отвечали: присягали императрице.

Отзыв этот он как будто не слышал; обратил все внимание на икону Спасителя. Потом соскочил быстро с коня, приложился ко кресту, приложился и к иконе,

¹¹См.: Рунич П.С. Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. // «Русская старина». Ежемесячное историческое издание. Санкт-Петербург, 1870 г. Том II. стр. 116-253.

сотворив первоначально три земных поклона. Потом сказал встречающим: «Вставайте».

И приказал вдруг, чтобы войска его ни для ночлега, ни просто не входили в село.

Ночью Пугачев почувствовал, что ослеп. Заметив это, приближенные его ужаснулись. Весть о том, перебегая из толпы в толпу, поразила всех, шум и крики утихли; все с трепетом смотрели на Елабугу и особенно на храм Спасителя; какой-то непонятный страх овладел ими.

Пугачев не знал, на что решиться. В сопровождении приближенных он предполагал отправиться в Трехсвятское помолиться Спасителю, но раздумал, дабы не напугать жителей, а более всего боялся, чтоб не попасться самому в руки правосудию. Подумавши о том, послал в село помолиться за него ординарца.

Ординарец пришел в соборный храм, где пред иконой Спасителя отслужен был молебен за здравие императора Петра III. Говорили старики, ординарец просил жителей, чтоб они позволили пройти через все село войскам, уверяя их в безопасности именем императора. Нечего было делать. От страха и невозможности защищаться — должны были согласиться на предложение ординарца.

Ординарец возвратился к самозванцу, который между тем уже прозрел, толпы его засуетились и стали готовиться в поход.

Конные и пешие разбойники Пугачева направились в Трехсвятское. Проходя мимо самого храма Спасителя, крещенные бунтовщики снимали шапки, крестились и молились; самые Татары и Башкирцы кланялись и говорили: «Алла!»

Не сделавши никакого благопристойного поступка, они вышли из села и пошли по дороге в сторону Казани...» (Мы привели здесь дословно текст из книги Ивана Васильевича Шишкина¹² «История города Елабуги», увидевшей свет в 1871 году, в Москве).

* * *

Жестокость преступного пугачевского воинства превышала все границы. Сохранилась «ведомость», в которой перечисляется, «сколько всяких званий злодеями... умерщвлено». Она была отправлена графом П.И. Паниным вместе с письмом Екатерине II 25 января 1775 года. Согласно этому документу от рук бунтовщиков погибли 2791 человек¹³. Пугачевцы въезжали в храмы на лошадях, стреляли по иконам, вбивали гвозди в уста изображенного на иконах Христа. Церкви осквернены были даже калом лошадиным и человеческим. В Казани, прямо в храме пугачевцы зверски убили 100-летнего генерал-майора Нефёда Никитича Кудрявцева, русского героя, участника Персидского похода, русско-турецкой войны 1735–1739 гг. и Семилетней войны.

Занимая заводы, города и крепости, Пугачев, восседая на самодельном троне, принимал присягу, творил суд и расправу. Приведём рассказ очевидца: «На колени положит платок, на платок руку: по сторонам сидят его енералы: один держит серебряный топор, того и гляди, что срубит, другой серебряный меч, супротив виселица, а около мы на коленях присягаем, да по очереди, перекрестившись руку у него поцелуем, а меж тем на виселицу-то безпрестанно вздергивают».

¹²Иван Васильевич Шишкин – отец знаменитого художника Ивана Ивановича Шишкина.

¹³См.: Бумаги графа П.И. Панина о Пугачевском бунте. С. 199. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и поимке Пугачева. С. 141, 142.

Писатель П. Сумароков писал в своей книге «Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой»¹⁴: *«Осужденных ставили в ряды, иным рубили головы, других мучили, терзали за верность, детей убивали обухами, рассекали на части, жен и девиц предавали на поругание, кровь лилась ручьями из шатра царя-самозванца».*

И это при том, что в пугачевской армии церковная служба отправлялась ежедневно. Сам Пугачев, заметим, на службу не ходил.

Милосердный к пленным А.В. Суворов, после поимки Пугачева, четыре часа беседовал с ним с глазу на глаз. Пообщавшись с ним, знаменитый полководец приказал поместить его в клетку, как зверя. Видимо, не нашел в нем ничего человеческого. Суворов повез его в Симбирск¹⁵ и по приезде, поздним вечером, сдал приехавшему в тот же день, чуть ранее, главе секретной комиссии почтенному графу П.И. Панину.

Читаем у Пушкина: «Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом. «Кто ты таков?» — спросил он у самозванца. «Емельян Иванов Пугачев», — отвечал тот. — «Как же смел ты, вор, назваться государем?» — продолжал Панин. «Я не вор (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает». <...> Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клочок бороды. Пугачев стал на колени и просил помилования. Он посажен был под крепкий караул, скованный по рукам и по ногам, с железным обручем около поясицы, на цепи, привинченной к стене»¹⁶.

Майор Павел Степанович Рунич¹⁷, которому почтенный граф П.И. Панин вверил ближайшее наблюдение за страшным арестантом, присутствовал на допросе Е. Пугачева главнокомандующим правительственными войсками генерал-майором графом Павлом Сергеевичем Потемкиным, приехавшим для такого случая в Симбирск из Казани. (Генерал-майор временно исправлял обязанности генерал-губернатора Казани и являлся троюродным братом всесильного фаворита Екатерины II Григория Потемкина).

Читаем в воспоминаниях у П.С. Рунича¹⁸:

«Генерал-майор Потемкин сам начал по пунктам допрашивать Пугачева, которого своими вопросами доводил до крайнего (в ответах) замешательства (так что

¹⁴П. Сумароков. *Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой*. СПб., 1852 г., Ч. 1. С. 262.

¹⁵«Пугачев сидел в деревянной клетке на двуколесной телеге. Сильный отряд при двух пушках окружал его. Суворов от него не отлучался. В деревне Мостах (во ста сорока верстах от Самары) случился пожар близ избы, где ночевал Пугачев. Его высадили из клетки, привязали к телеге вместе с его сыном, резвым и смелым мальчишкой, и во всю ночь Суворов сам караулил. В Коспорье, против Самары, ночью, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу и пришел в Симбирск в начале октября». (См.: А. С. Пушкин. *История Пугачева. Замечания о бунте*. М.: КРАСАНД, 2015. С. 69.

¹⁶А. С. Пушкин. *История Пугачева. Замечания о бунте*. М.: КРАСАНД, 2015. С. 69

¹⁷Сын выходца из Угорской Руси, Павел Степанович Рунич в детстве был определен в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, по окончании которого принимал участие в первой русско-турецкой войне в царствование Екатерины II и отличился в сражении при Ларге. К концу кампании Рунич имел уже чин майора. Вспыхнувший на Урале Пугачевский бунт побудил Рунича зачислиться в свиту графа П.И. Панина, назначенного императрицей для усмирения бунта, вслед за тем он был определен в состав Секретной комиссии, образованной для исследования причин бунта и розыска преступников на самом театре действий против мятежников. После поимки Пугачева Руничу было поручено привезти его в Москву, потом известить об этом событии Санкт-Петербургу, а затем Южную армию графа П.А. Румянцева. В декабре 1774 года Рунич был переведен по собственному желанию на гражданскую службу. В царствование императора Павла I Рунич был вятским, затем владимирским губернатором и пользовался доверием государя. Александр I пожаловал его в 1805 году сенатором.

¹⁸Рунич П.С. *Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте*. // «Русская старина». Еже-месячное историческое издание. 1870 г. Том II. 116-253.

по допросам сим в пот кидало злодея; но споря и добиваясь от него признания, не подкупен ли он был какими иностранцами или особенно кем из одной или другой столицы, Петербурга и Москвы, на незаконное объявление себя императором Петром III); но злодей, хотя сильный пот все лицо его покрывал, с твердым голосом и духом отвечал, что никто его как из иностранцев, так из Петербурга и Москвы никогда не подкупал и на бунт не поощрял и что он ни в том, ни в другом городе никогда не бывал и никого в оных не имеет знакомых.

Наконец, сколь ни велико терпение генерал-майора Потемкина около двух часов слушать на все (его) вопросы отрицательные его, Пугачева, ответы; он вдруг с грозным видом сказал ему: «Ты скажешь всю правду».

Постучал в колокольчик и по сему позыву вошедшему экзекутору приказал ввести в судейскую четырех моих гренадеров и с ними палача, тотчас приказал гренадерам раздеть Пугачева и растянуть его на полу и крепко держать за ноги и руки, а палачу начать его дело; который, помоча водой всю ладонь правой руки, протянул оною по голой спине Пугачева, на коей ту же минуту означились багровые по спине полосы.

Палач, увидя оные, сказал: «А! Он уже был в наших руках».

После чего Пугачев... вскричал: «Помилуйте, всю истину скажу и открою».

И Пугачев начал говорить, что как-то зашел в корчму, где увидел «двух гренадер (Преображенского полка) в хороших тонких мундирах с галунами на воротниках и обшлагах».

— А потом они пригласили меня за их стол и сказали, что я, значит, шибко схож лицом и статью с императором Петром III. А через время...

— Молчать, — остановил Пугачева Потемкин и велел всем удалиться в другую комнату, после чего допрос продолжался еще час. Из дознавательской Павел Сергеевич вышел очень задумчивым и тотчас сел за составление докладной записки императрице. Но донесение, где содержались откровения Пугачева, было Екатериной II по прочтении тотчас уничтожено и о причинах начала самозванства, и о тех, кто стоял за спиной Пугачева, стало быть, оставалось известно только двоим: Екатерине Великой и генералу Потемкину».

Примечательно и то, что, по словам Рунича, «Пугачев с самого того времени, как оставался у генерал-майора Потемкина на последних допросах, все время, что содержался в Симбирске под присмотром, в крайнем находился унынии и задумчивости, не говорил почти ни с кем ни слова».

* * *

5 ноября 1774 года Пугачева повезли из Симбирска в Москву в зимней кибитке¹⁹. В пути кто-то попытался его отравить. Вероятно, среди его охранников был подкупленный человек. Странно и то, что, отправляя Пугачева из Симбирска,

¹⁹Любопытные сведения о доставлении Е. Пугачева в Москву оставил в своих воспоминаниях секунд-майор Николай Захарьевич Повало-Швейковский. Он был сперва пленником, а затем стражем Пугачева в 1774 г.: «При отправлении же Пугачева из Симбирска в Москву находился в числе стражи. Путь наш продолжался не долго. Мы ехали на переменных обывательских лошадях и везли Пугачева, скованного по рукам и по ногам, не в клетке, а в зимней кибитке. Всем сопутствующим разговор с ним был воспрещен. Пища ему производилась сытная, и пред обедом и ужином давали порцию простого вина. Пленника везли только днем, а ночь проводили за крепким караулом на приготовленных квартирах». «Воспоминания, названные Биографией...» зарегистрированы в «Журнале, веденном при разборе бумаг покойного А.С. Пушкина» с 15 по 17 февраля 1837 г. («Дела III Отделения С. Е. И. В. Канцелярии об А.С. Пушкине», СПб., 1906, стр. 190). Хранится в Пушкинском доме в фонде материалов, приобретенных в 1919 г. П.Е. Щеголевым).

было нарушено предписание иметь в подобных случаях лекаря при сторожевой команде. Кому-то было очень нужно, чтобы Пугачев не доехал до Москвы и замолчал навеки.

Когда к самозванцу вызвали Рунича, Пугачев был очень плох и едва выговорил:

— Я умираю.

Потом он сказал:

— Велите выйти всем вон из избы, я вам одному открыть должен важнейший секрет.

Как свидетельствует Рунич, Пугачев со вздохом сказал ему: «Если не умру в сию ночь или в дороге, то объявляю вам, чтобы доведено было до ее величества государыни императрицы, что имею ей одной открыть такие тайные дела, кои, кроме ее величества, никто другой ведать не должен; но чтобы был к ней представлен в приличном одеянии донского казака, а не так, как теперь одет».

О словах, сказанных Пугачевым, было доложено Екатерине II, но она оставила их без внимания. Она знала много больше.

Среди множества бумаг, читала она и донесение русского посла во Францию князя И.С. Барятинского, направленное канцлеру Панину из Парижа 25 сентября 1774 г.: «Находящийся при мне священник сообщил мне следующее с ним приключение. На сих днях прогуливался он в саду, когда подошел к нему незнакомый француз и начал с ним индифферентный разговор, а узнав, что он говорит с русским, стал разговаривать о Пугачеве, объявляя о себе, что он сам долгое время жил в России между колонистами и был старостой в Каминской слободе, а недавно сюда приехал; что Пугачева не токмо видал, но знал его персонально в Саратове, сказывая при том об нем, якобы он уроженец очаковский и был в российской службе поручиком в прусскую войну; что когда он его видал, то носил уже он казацкое платье. Сей француз называется Ламер. В продолжение о сем разговора признался он, что ему подлинно известно, что Пугачев имел сие злоумышление прежде еще войны с турками и делал к тому проекты вместе с ссыльными польскими конфедератами, и что он хотел к сему умыслу склонить и колонистов, но не мог в том преуспеть. В 1772 г. сделался с ним сообщником в сем злоумышлении и один колонист из французов по имени Кара, которого и отправил он с Мемориалом к дюку д'Эгильону, но что помянутый Кара в том году в Париже не был, а оставался в Голландии для исправления других его, Пугачева, комиссий (поручений. — Л.А.), а означенный Мемориал послал он к дюку д'Эгильону другим каналом. Потом из Голландии поехал он к польским конфедератам, а в нынешнем году приезжал сюда, однако якобы дюк д'Эгильон ни на что в их пользу не согласился, почему и отправился он в Италию в том намерении, чтобы ехать в Константинополь.

Поп спросил его: откуда получает Кара деньги для вояжирования? На что Ламер ему отвечивал, что он имеет деньги по кредитиву Пугачева от польских конфедератов. Наконец открылся он ему, что помянутый Кара по тесной между ними дружбе сообщил ему копию означенного Мемориала от Пугачева. Священник просил его, не может ли он сообщить ему сию копию для единственного любопытства, однако он в том отказался, а обещал только ему прочесть. На другой день приходил он к попу и читал тот Мемориал, которого содержание, сколько мог он упомянуть, было следующее: вначале пишет он, что все в России колонисты весьма недовольны, что очень легко их возмутить, особливо когда Россия с Пор-

той в войне, и что по его плану можно будет составить в тех местах армию до шестидесяти тысяч человек: при том предлагает, что как в тех местах сомневаются еще в кончине Петра Третьего, то и можно к возмущению употребить сей предлог.

В заключение просит Францию, дабы она употребила свое старание, чтоб турки прислали к нему через Грузию несколько войска для его подкрепления, а в случае его неудачи дали бы ему у себя убежище. Я, выслушав от священника сие его мне сообщение, просил, чтобы он постарался свести с помянутым Ламером большее знакомство и достать у него, если можно будет, копию с сего Мемориала», — завершал свое зашифрованное донесение, казавшееся ему крайне важным, князь Иван Сергеевич Барятинский.

Прочитав депешу, Екатерина II дала 10 декабря М.Р. Волконскому такую ей оценку: «Я почитаю сие за сущее авантюрное вранье, сложенное как словами, так и на письме единственно для того, чтоб от кого-то выманить денег»²⁰. Но что-то все же насторожило императрицу. Ссылаясь на то, что «ничего не должно пропустить мимо ушей», Екатерина II поручила Волконскому произвести проверку. На депеше появилась её резолюция: «Отдать Шешковскому» (главе Тайной экспедиции. — Л.А.).

О Каре сведений сыскать не удалось, а вот о Ламере узнали кое-что. Во-первых, настоящее имя его — Пьер Ламер, и, во-вторых, он действительно некоторое время проживал среди поволжских колонистов. По неустановленным причинам 16 февраля 1771 года француз бежал, после чего следы его терялись: «...здесь чрез полицию его не сыскано и где ныне неизвестно»²¹.

Писатель А.С. Мильников, изучая дела военно-походной канцелярии адмирала Г.А. Спиридонова, нашел письмо, написанное Данилой Гошняком 16 января 1772 года, в котором Данила упоминал об имущественных претензиях к лицу, скрывшемуся с «вещами, принадлежащими разным торгующим купцам лондонским, ливорнским и амстердамским», и по «рассеянному слуху о великодушии» Спиридонова просил помянутого преступника посадить под караул и конфисковать его имение для удовлетворения его кредиторов. Самое любопытное заключалось в том, замечает А. Мильников, что автор письма имел в виду «некоего Соломона Ламера»²². «Похоже, что Ламер, — пишет А. Мильников, — бесследно исчезнувший из России в начале 1771 года, жулик-авантюрист Ламер в Смирне и Ламе, искушающий в Париже русского священника, — одно и то же лицо...»

* * *

Во время пугачевского бунта императрицу особенно беспокоила мысль о возможных зарубежных связях «маркиза Пугачева», точнее, об участии в мятеже иностранцев. Мысль эта не давала покоя ей, использовавшей деньги англичан для свержения царственного мужа и незаконного восшествия на российский престол.²³

Когда Пугачева схватили, следователи настойчиво стали добиваться от него

²⁰Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966, № 7, с. 95.

²¹РГАДА, ф. 6, № 512, ч. I, л. 327

²²РГАВМФ, ф. 190, № 33, л. 3.

²³Накануне июньского переворота 1762 года, приведшего Екатерину Алексеевну к власти, она получила ссуду в 100 тысяч рублей от английского купца Фельтена. (Прежде, будучи еще Великой Княжной, для создания своей партии вокруг «молодого двора» она получила 19 тысяч фунтов стерлингов от сэра Чарльза Уильямса). — Прим. автора.

соответствующих признаний, но так и не нашли подтверждений опасениям императрицы. Между тем тревога Екатерины II основывалась на информации, поступавшей от ее дипломатов за рубежом, в частности, из Парижа и Вены. Раздражали императрицу и циркулировавшие в европейских кругах слухи о «благородном» происхождении Емельки Пугачева и чуть ли не о близости его к петербургскому двору.

О наличии каких-то связей между Пугачевым, турками и французскими военными советниками в армии султана сообщал из Вены российский посланник князь Д.М. Голицын, которому удалось завербовать одного из сотрудников канцелярии французского посла при венском дворе, князя Луи де Рогана. Информатор передал ему копии нескольких секретных писем, которыми обменивался французский посол в Вене с коллегами в Константинополе и Санкт-Петербурге — графом де Сен-При и Дюраном. Из этой переписки следовало, что французская дипломатия не исключала возможность сотрудничества с Пугачевым и взаимодействия последнего с турецкой армией. Более того, судя по этой переписке, отдельные французские офицеры, служившие у султана, перешли (или были направлены?) в армию мятежников-пугачевцев.

31 марта 1774 г. князь Д.М. Голицын отправил канцлеру Н.И. Панину «экстракт» письма графа де Сен-При князю де Рогану следующего содержания: «Он (Сен-При. — Л.А.) говорит, что французские офицеры шлют ему эстафету за эстафетой из (турецкой) армии, которая должна предпринять диверсию в России в пользу Петра III. Эти офицеры не верят в успех их предприятия; они сожалеют, что (в армии) нет ни правил, ни порядка, ни подчинения, ни продовольственных припасов, ни боекомплекта; что если их выступление не будет сопровождаться всеобщим восстанием (в России), то они оставят это предприятие. Он говорит, что надежды, возлагаемые на существующее в России недовольство, в действительности необоснованны, поскольку достаточно обычного манифеста или угрожающего указа царицы, чтобы напугать всех; что (русские) предпочтут рабство судьбе, которая отвечала бы их надеждам. Он (Сен-При. — Л.А.) просит выделить ему вновь значительную сумму денег, которые он мог бы использовать в этих целях при всяком благоприятном случае...»

Из этого письма можно сделать вывод, что Турция планировала военную операцию на территории России (по всей видимости, с Северного Кавказа или через Крым) с целью поддержать Пугачева, и что в этой операции должны были участвовать французские офицеры.

Из другого письма, отправленного 30 марта 1774 г. из Вены князем де Роганом в Константинополь графу де Сен-При, также перехваченного русским агентом, следовало, что о поддержке Пугачева в той или иной мере подумывал и сам Христианнейший король Людовик XV.

В письме, французскую копию которого князь Голицын немедленно переправил графу Н.И. Панину в Петербург, читаем:

«Король направляет к вам подателя сего письма, который по собственной инициативе вызвался оказать помощь Пугачеву. Это офицер Наваррского полка, имеющий множество заслуг. Вы должны как можно скорее отправить его с необходимыми инструкциями для так называемой армии (Пугачева. — Л.А.). Король вновь выделяет вам 50 тыс. фр. для непредвиденных расходов, помимо того, что вы еще должны получить из выделенных вам средств за прошлый месяц. Не жалейте ничего для того, чтобы нанести решающий удар, если к тому пред-

ставится случай. Нет такой суммы, которую король не предоставил бы ради осуществления наших замыслов. Не думайте, что с заговорами покончено. Я имею достоверные сведения, что во всех провинциях царицы много недовольных, которые ждут лишь случая, чтобы восстать. Даже русские солдаты говорят гадости о царице и короле Польши (Станиславе Понятовском. — Л.А.). Можно представить себе настроения среди офицеров так называемой армии Пугачева. Вы увидите, что если она добьется хоть каких-нибудь успехов, то русские солдаты целыми соединениями станут под ее знамена, и вы с триумфом возвратитесь в Париж, где получите достойное вознаграждение за вашу доблестную службу.

Прощайте, будьте бдительны и активны и рассчитывайте на дружбу князя Луи де Рогана»²⁴.

Французского короля раздражало растущее влияние России в Европе. «Единственная цель моей политики в отношении России состоит в том, чтобы удалить ее как можно дальше от участия в европейских делах... — писал король 10 сентября 1762 г. в секретной инструкции французскому посланнику в Петербурге барону де Бретейлю. — Все, что может погрузить русский народ в хаос и прежнюю тьму, выгодно для моих интересов. Для меня не стоит вопрос о развитии отношений с Россией»²⁵.

В расчетах версальской дипломатии всегда присутствовало убеждение, что смута в России может служить лучшей гарантией против возрастания русского влияния в Европе.

Один из руководителей тайной дипломатии Людовика XV, граф де Брольи (вскоре после воцарения Екатерины II) в специальной записке, посвященной отношениям с Россией, писал, по сути, о том же: **«Нужно попытаться погрузить ее (Россию — Л.А.) в глубокий летаргический сон, если же иной раз придется выводить ее из этого состояния, то лишь посредством конвульсий, например, внутренних волнений, заблаговременно подготовленных. Лишь таким путем можно помешать московскому правительству даже помыслить о внешней политике».**

На этой записке есть резолюция короля: «Я полностью разделяю подход графа де Брольи к России».

Могла знать Екатерина II и о присутствии в армии Пугачева французских офицеров, немцев-колонистов, венгров, поляков-конфедератов.

* * *

Во второй половине декабря 1773 года к стенам Оренбурга, осаждаемого пугачевским войском, быстро приблизился всадник (это был казак Иван Солодовников), воткнул в снег палку, привязав к ней какой-то пакет, умчал обратно. Когда оренбургскому губернатору Т.А. Рейнсдорпу доставили этот пакет, в нём обнаружили «именной указ» (от имени Петра III). Поразило губернатора то, что написан он был на немецком языке.

В Петербурге известие об этом вызвало переполох, продолжавшийся несколько месяцев. «Старайтесь узнать, кто сочинитель немецкого письма, от злодеев в Оренбург присланного, — требовала императрица в апреле 1774 года, — и нет

²⁴См. подробнее: П.П. Черкасов «Людовик XV и Емельян Пугачев: Французская дипломатия и восстание Пугачева: По документам дипломатических архивов Франции и России» // Россия и Франция. XVIII-XX вв. М., 1998. Вып. 2. С. 35.

²⁵См.: П.П. Черкасов. Екатерина II и Людовик XVI. М., Наука, 2004. С. 10.

ли между ними чужестранцев, и, не смотря ни на каких лиц, уведомите меня о истине». Позже выяснилось, в том случае, в роли переводчика «именного указа» выступал подпоручик М. А. Шванвич, который был 8 ноября 1773 года взят в плен повстанцами и согласился служить Пугачеву в качестве секретаря его Военной коллегии. В марте он сдался правительственным войскам. Был осужден и сослан навечно в Туруханск, где и кончил дни свои в 1802 г.

Любопытно, М. А. Шванвич, как и его отец А.М. Шванвич²⁶, к которому был благосклонен настоящий император Петр Федорович, зачисливший его ротмистром в свой гольштейнский полк и пожаловавший ему 300 душ крепостных, были крестниками императрицы Елизаветы Петровны.

М. А. Шванвич не был единственным переводчиком у Пугачева. Были, кроме него, в армии лица, владеющие иностранными языками. Во всяком случае, после ареста М. А. Шванвича манифесты и указы на немецком языке продолжали появляться и рассылаться (особенно в Поволжье, где жило много немецких колонистов) регулярно²⁷.

* * *

На чьи деньги вооружалась пугачевская армия? Тоже любопытный вопрос. Своих денег Пугачев не печатал, а по свидетельству одного из соратников, Максима Шигаева, которые тот давал уже под следствием, «в разные времена им было выдано денег на конных по 6-ти рублей, а на пехотных по 5-ти каждому человеку».

В июне 1774 года из села Долгие Колодцы Ливенского уезда от своего помещика убежала целая группа крепостных крестьян. Неустроев, один из беглецов, после поимки показал, что они «пришли к городу Казани дня за два до разорения того города. Пугачев дал им каждому по два пистолета, по сабле и по казачьему платью, да денег по 20 рублей». Снарядив пришлых, вождь Крестьянской войны послал «его, Неустроева, и еще помещичьих беглых людей шесть человек в раз-

²⁶Судя по данным Н. Свечина, записанным Пушкиным, Александр Мартынович Шванвич, гвардейский офицер времен Петра III, буйный кутила, «повеса и силач», обезобразивший Алексея Орлова, разрубив ему щеку в «трактирной ссоре», после переворота, «возведшего Екатерину на престол, а Орловых на первую ступень в государстве», «почитал себя погибшим». Однако «Орлов пришел к нему, обнял и остался с ним приятелем». Впоследствии А. М. Шванвич, бывший одно время кронштадтским комендантом, служил в Новгороде. Сын же его, «находившийся в команде Чернышева, имел малодушие пристать к Пугачеву и глупость служить ему со всеусердием. Граф А. Орлов выпросил у государыни смягчение приговора».

²⁷«Еще в начальной фазе восстания отмечались случаи перехода немцев, служивших в русской армии, на сторону Пугачева. Некоторым из них за знание языка и компетентность даже поручалось выполнение важных задач в рудиментарном органе управления повстанческим войском — военной коллегии. В декабре 1773 года самозванный император предъявил губернатору осажденного Оренбурга генералу Рейнсдорпу написанную по-немецки прокламацию, содержащую претензии на неограниченную власть над всеми подданными. Затем, уже в заключительной фазе восстания, на долю повстанцев неожиданно выпала удача, когда к ним присоединилось несколько сотен немецких колонистов со Средней Волги, подобно тому как ранее за Пугачевым пошли представители почти всех категорий податного и обязанного рекрутчиной нерусских народов Урала и Средней Волги, поскольку им он пообещал свободу и защиту их веры и традиций от политики унификации и рационализма нового государственного устройства. Однако тогда же, летом 1774 года, вознамерившись переманить на свою сторону не только православных донских казаков, но и староверов из их числа, Пугачев, выступивший в поход против Екатерины как якобы законный император Петр III, как нарочно заклеил поместное дворянство как общего врага, не только подчинившего себе всю Россию, но и разрушавшего собственную христианскую традицию, вводя «немецкие обычаи». Миф о Петре III имел так мало общего с самой его исторической личностью, что новый узурпатор использовал один из главных пунктов обвинения, выдвинутых Екатериной в оправдание совершенного ею государственного переворота, против нее самой и придворного общества». (См.: Клаус Шарф. Екатерина II, Германия и немцы. Перевод с немецкого И. Карташева и М. Лавринович. Новое литературное обозрение, 2015. С. 536).

ные места с письмами уговорить народ, чтобы собирались и приходили к нему. Почему все они семь человек и поехали...»²⁸

В августе 1774 года, отступая и оказавшись в окрестностях Царицына, где вскоре потерпит последнее сокрушающее поражение, Пугачев посылает именной указ «всему природному донскому казачьему войску» в Березовскую станицу, в котором, помимо обычных благ и привилегий, обещает каждому, кто запишется в его армию, выдать единовременно «не в зачет жалованья по 10 рублёв».

Судите сами, на казенных заводах Урала приписанным к ним крестьянам за рубку дров «мерюю в длину 14 аршин, а в вышину — 7» (размер такой «поленницы» составлял примерно 10x4,5 метра) платили 25 копеек. Рабочий день длительностью от 10 до 14 часов оценивался в 6-8 копеек.

Вспомним здесь слова Пушкина: «Пугачев вопреки общему мнению никогда не бил монету с изображением государя Петра III и с надписью *Redivivus et ultor* (как уверяют иностранные писатели). Безграмотные и полуграмотные бунтовщики не могли замышлять замысловатые латинские надписи и довольствовались уже готовыми деньгами». А в Берде, со слов А.С. Пушкина, после того, как её освободили от пугачевской сволочи, найдено было семнадцать бочек медных денег. По преданию, войско Пугачева сопровождал обоз, груженный золотом и серебром²⁹.

И как здесь не привести очередную депешу князя Бярятинского от 7 апреля 1774 года. «Я сведал здесь, — писал он из Парижа, — что шведский при Оттоманской Порте посланник учинил тамошнему министерству внушение, что происходящие внутри России мятежи доставляют правительству великие заботы и затруднения, а стране причиняют знатные разорения и убытки. Для произведения в турках большего упорства уверяет он их, что и Москве такой же угрожает жребий, и что неминуемо принуждены будут отделить часть войск от Первой армии для замирения сих мятежников. Французский в Константинополе посол внушает подобные же мнения Дивану (совещательный орган высших сановников при султанае. — Л.А.), а особливо тамошнему духовенству, обнадеживая их, что при нынешних внутренних в России обстоятельствах должны они ожидать лучших успехов от будущей кампании, равно как в мирной неготиации, когда она откроется. В здешней публике говорят, что Порта делает великие военные приготовления и заводит артиллерийский корпус. В партикулярных письмах из Гамбурга пишут сюда, что Пугачев получил от Порты знатную сумму денег».

О давней связи Пугачева с Портой гласит легенда, живущая в среде башкир, которую не могу не привести здесь.

Её рассказал мне совсем недавно житель Пензы, бывший военный инженер Анатолий Анисимович Лямуков, уроженец Башкирии. В школьные годы он услышал её от одноклассника Большакова, тот — от деда, а дед — от своих родных. Легенда гласит, Салават Юлаев в 16 лет с делегацией свободных башкир совершил

²⁸См.: А.И. Колтакиди, М. Л. Серяков. «Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации». Энциклопедический справочник. М., Издательство — «ОЛМА-ПРЕСС». Санкт-Петербург. Издательский дом «Нева», 2002. С. 133.

²⁹«Можно предположить, что при дворе «царицы» находилась большая часть казны восставших. По крайней мере, в показаниях Устиныи подчеркивается, что Пугачев оставил «при ней все почти богатства, а именно денег серебряных две тысячи рублей, посуды серебряной множество, также медной и оловянной везде было наложено пропасть. А платьем и другими вещами семь сундуков были полны наклады». См.: Н.М. Щербаков «Поехал я в Уральск...» С. 124.

хадж в Мекку (1768–1770 гг.)³⁰. До Мекки паломники добирались через Персию. Обратная дорога проходила через Стамбул, где башкиры хотели увидеться с султаном. В коридорах дворца турецкого султана Салават Юлаев встретил казаков, обративших на себя внимание пышными бородами и усами. Почему-то особенно ему запал в душу один из них. Через четыре года, когда в ноябре 1773 года отряд 20-летнего Салавата Юлаева и его отца примкнул к войску Пугачева, молодой башкир впервые увидел «русского царя Петра III» в лицо. Он долго смотрел на него, вспоминая, где же видел его, пока не вспомнил — в Стамбуле.

Легенде можно верить, а можно и нет. Правоту её доказать невозможно. Но, как говорится, дыма без огня не бывает.

Для подтверждения правоты легенды достаточно хотя бы знать, совершал ли Салават Юлаев хадж в Мекку. Но давайте вспомним, в советское время о хадже упоминать было небезопасно. Тем более, если речь шла о национальном герое³¹. И потому трудно поверить в то, что эта легенда выдумана.

В народе ложь чувствуют быстро, и потому такие легенды не уживаются и не сохраняются в народной памяти.

* * *

Прервем повествование и зададим другие вопросы, ответы на которые помогут объективнее взглянуть на минувшие события.

Почему А.С. Пушкин занялся историей Пугачева, и мог ли Главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии А.Х. Бенкендорф выделить ему сорок тысяч рублей на поездку в Оренбург и на Южный Урал для сбора исторических материалов, как утверждают, не называя источник, современные исследователи³²?

Интересуясь своей родословной, Пушкин мог заинтересоваться судьбой родного деда — Льва Александровича. Тот остался преданным сторонником Петра III и после его смерти, за что жестоко пострадал. В одной из работ А.С. Мыльников — автор исследования о Петре III³³ — сообщает: «Так, подполковник артиллерии Л.А. Пушкин призывал солдат не поддаваться уговорам, а оставаться верными присяге... Многие... были арестованы, а Л.А. Пушкин — сурово наказан... Л.А. Пушкина заточили в крепость. После выхода оттуда вплоть до самой смерти в 1790 г. он уже никогда не служил Екатерине II. Любопытно, что это был (по отцовской линии) дед А.С. Пушкина, о котором последний в автобиографических набросках не без

³⁰ Год рождения Салавата Юлаева в печатных изданиях обозначается по-разному: в одних это 1752 год, в других — 1754 г. — Прим. автора.

³¹ В октябре 1937 года в Башкирию прибыл секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Андреевич Жданов для изучения сложной обстановки, сложившейся в рядах партийного руководства Башкирской республики. Он возглавил заседание 3-го пленума башкирского отделения коммунистической партии. Жданов инициировал отчисление из партийных рядов 41% местных функционеров. Они были осуждены в среднем на 8 лет и отправлены в лагерь. Во время пребывания А.А. Жданова в Оренбурге, возможно, ставился вопрос и о поиске исторической личности, необходимой для утверждения в официальном статусе национального героя Башкирии. После долгих поисков выбор пал на Салавата Юлаева. В 1939 году правительство Башкирской республики объявляет конкурс на проект памятника Салавату; в 1941 вышел в прокат художественный фильм «Салават Юлаев»; Малоязовский район Башкирии переименован в Салаватский; издан роман Степана Злобина «Салават Юлаев». В 1952 году широко отмечается 200-летие Салавата Юлаева; создан первый в республике бронзовый памятник-бюст Салавату. Именно в те годы запрещены были все нежелательные легенды и предания о Салавате Юлаеве — «сподвижнике» «вождя крестьянского восстания» Емельяна Пугачева. — Прим. автора.

³² См.: Сергей Крюков. Александр Сергеевич Пушкин: гениальный поэт и... разведчик. <http://maxpark.com/community/901/content/1370285>

³³ Александр Мыльников. Петр III. Повествование в документах и версиях. М.: Молодая Гвардия, 2009.

симпатии писал: «Лев Александрович служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года».

Разыскивая документы о предке, поэт не мог, вероятнее всего, обойти вниманием и саму трагедию, разыгравшуюся в Ропше, где по официальной версии был убит император,

Кстати, об «убийстве» Петра III. Современные историки приводят доказательства того, что он не был убит в Ропше. Ему помогли бежать (императора вывез из Ропши камер-лакей Алексей Маслов), и умер Петр Феодорович своей смертью, через несколько дней, на приморской мызе гетмана К.Г. Разумовского. Слухи об этом бегстве распространились в Петербурге, дошли до Москвы и стали распространяться по всей России.

Удивительно, Пугачев знал фамилии тех, кто спас Петра III и помог свергнутому императору бежать из Ропши. При случае даже ссылался на одного из них. В Яицком городке в ноябре 1772 года Пугачев, впервые объявивший себя Петром III, говорил казаку Денису Пьянову о своем спасении: «Пришла гвардия и взяла меня под караул, да капитан Маслов отпустил»³⁴.

Он знал эту фамилию, мало кому известную даже среди тех, кто специально по горячим следам собирал сведения о загадочной кончине Петра Феодоровича. Откуда такая осведомленность? Если бы эта фамилия возникла в рассказах Пугачева позже, когда в его войске в качестве пленного появился М.А. Шванвич — сын активного участника ропшинских событий А.М. Шванвича, можно было бы подумать, что Михаил Шванвич и поставил ему эти сведения. Но в 1772 году?

Версию об «убийстве» императора распространяли в Петербурге иностранные дипломаты, пользуясь тем, что после ареста Петра III, в период с 3 по 6 июля 1762 г., из Ропши не поступало достоверных сведений.

Взошедшая на престол Екатерина Алексеевна решала дальнейшую судьбу свергнутого супруга. Она и другие участники заговора понимали, как никто, что обратной дороги содеянному нет. Живой Петр Феодорович, будь он вдали, скажем, в Киле, а тем более вблизи, в Шлиссельбурге, был для них одинаково опасен. Свергнутый император, пребывая в Ропше, оказался лишним, и отныне уделом его могло быть только одно — смерть. И вызревало решение — её не миновать.

В действительности, — и это главное, — вывезенный из Ропши под шумок представления собственной смерти Петр III действительно, повторимся, умер в ближайшие дни на приморской мызе гетмана К.Г. Разумовского. Это была его вторая, на сей раз настоящая смерть. Две смерти слились в одну. В Ропше, считает исследователь этой темы М.А. Крючкова³⁵, материалами исследования которой мы воспользовались здесь, был убит «фальшивый» император, двойник, которого специально туда «притащил» Александр Шванвич. Реальный же Петр III со своим камер-лакеем Алексеем Масловым в это время ехал на приморскую мызу гетмана Разумовского, где ему и предстояло провести ближайшие дни. «Однако вскоре он там умер, — пишет М.А. Крючкова, — и ее сподвижникам пришлось импровизировать на ходу».

Убийство в Ропше было театральным. И главным режиссером постановки стал первый русский актер Федор Волков, оказавшийся там. «Он умер в апреле 1763

³⁴Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. Т. 1. СПб, 1884. С. 157.

³⁵См.: М.А. Крючкова. Триумф Мельпомены. Убийство Петра III в Ропше как политический спектакль. Москва. Русский мир 2013. С. 304-306.

года в Москве, простудившись во время представления шествия-маскарада «Торжествующая Минерва», которым решили ознаменовать коронацию Екатерины II. Это представление стоило жизни «главному режиссеру» императрицы. Екатерина II выделила на его похороны 1350 рублей (очень большая сумма по тому времени). Брат Федора Волкова Григорий Волков получил дворянскую грамоту и герб, на котором были изображены атрибуты музы Мельпомены — кинжал, пропущенный в корону. Герб напоминал о главном спектакле Федора Волкова, поставленном в Ропше 3 июля 1762 года»³⁶.

Екатерина II знала, как все происходило в Ропше на самом деле, и оставалась в гневе на иностранных дипломатов до той поры, пока в сентябре 1763 года в Петербурге не появился французский энциклопедист Дени Дидро, который «попытался убедить императрицу, что организация убийства собственного мужа — это ничего, это вполне в русле новых философских веяний. Екатерина II было взвилась, но <когда, с течением времени> пришло известие, что под Оренбургом появился очередной Петр III (Пугачев), да еще во главе целого войска, перед лицом этих новых обстоятельств <...> подумала, что не так уж плохо, если в Париже болтают, будто Петр III убит. Хуже, если там заговорят, что Петр III жив». И перестала ругать дипломатов.

«Начальник ропшинского караула Алексей Орлов, один из немногих, кто точно знал, что произошло со свергнутым императором, еще в 1770 году понял, что нужно любым способом предотвратить появление самозванца, руководимого извне. Оказавшись в Вене, которая тогда была перекрестком восточной дипломатии европейских стран, он почувствовал, насколько накалена политическая атмосфера в условиях начавшейся войны. И он пошел на крайнее средство — «чистосердечное признание» в убийстве Петра III. Плохому вперят охотно, и ему поверили безоговорочно»³⁷...

* * *

«Пугачёвская тема» появилась в творчестве Пушкина в 1832 году. В тот год, встретившись с отставным статским советником Н.В. Свечиным, Пушкин услышал от него рассказ о Шванвичах: М.А. Шванвиче, бывшем гвардейском офицере, перешедшем на службу к самозванцу Пугачеву, и его отце, А.М. Шванвиче. Услышанная история стала основой первоначального сюжета повести, превратившейся, спустя время, в повесть «Капитанская дочка». В то же время Пушкин задумывает написать и чисто исторический труд («История Пугачёва», или «История Пугачёвщины», как она названа поэтом в одном месте). Для обеих работ над эпохой Пугачёва было необходимо ознакомиться с подлинными документами.

Самый ранний из трех планов повести о Шванвиче создан не позднее августа 1832 года³⁸. Первый план исторического романа (будущей «Капитанской дочки») был датирован 31 января 1833 г. Приводим его полностью:

«Шванвич за буйство сослан в гарнизон.

Степная крепость — подступает Пугачев — Шванвич предаёт ему крепость — взятие крепости — Шванвич делается сообщником Пугачева — Ведет свое отделение в Нижний — Спасает соседа отца своего. — Чика между тем чуть было не

³⁶Там же. С. 308.

³⁷Там же. С. 305-306.

³⁸См.: Н.А. Тархова. Жизнь Александра Сергеевича Пушкина. М. «Минувшее», 2009, стр. 550.

повесил стар[ого] Шванвича. — Шванвич привозит сына в Петербург. — Орлов выпрашивает его прощение. 31 янв. 1833»³⁹.

Но становилось ясно, для того, чтобы написать её, необходимо внимательно изучить тему. С этого, вероятнее всего, и началось изучение Пушкиным материалов по истории пугачёвского восстания⁴⁰.

Шестого февраля 1833 г. «...вечером на балу у графа Фикельмона Пушкин имел разговор с царем о работе над историей Петра Первого, в котором приняли участие Д.Н. Блудов и А.Х. Бенкендорф; Пушкину удалось получить разрешение на участие в этой работе М.П. Погодина; там же на балу состоялся еще один важный разговор — с военным министром графом А.И. Чернышевым о возможности пользоваться документами из секретной экспедиции Императорского департамента, и Пушкин получил на то согласие»⁴¹.

9 февраля, в четверг, «Пушкин в ответ на запрос военного министра от 8 февраля сообщает, какие документы из архивов Главного штаба, касающиеся истории графа Суворова (а по сути об истории пугачевского восстания), нужны ему для работы: 1) Следственное дело о Пугачеве, 2) Донесения графа Суворова во время кампании 1794 года, 3) донесения его 1799 г., 4) Приказы его к войскам»⁴².

25 февраля, в субботу, Пушкину доставлены 3 тома архивных документов из Инспекторского департамента и письмо военного министра Чернышева с уведомлением о том, что следственного дела Пугачева «равно как донесений графа Суворова 1794 и 1799 годов и приказов его войскам» нет в С-Петербургском архиве, и о разыскании их в Московском отделении Архива «сделано надлежащее распоряжение»⁴³.

В Московском отделении Общего архива Главного штаба Военного министерства хранились материалы по руководству военными операциями против повстанцев за ноябрь 1773 — декабрь 1774 г. Они были получены Пушкиным из этого архива при письме графа А.И. Чернышева от 29 марта 1833 г.

29 марта, в среду «Пушкин получает документы из Московского архива, пришедшие накануне по почте, всего 10 переплетенных томов, имеющих общий заголовок «О известном злодее, бежавшем из-под караула беглом Донском казаке Емельке Пугачеве и о возмущении в пределах Оренбургской и Казанской губерний и о командировании туда полков и команд». Книги содержали 3587 рукописных документов, составивших в общей сложности более 5300 листов, исписанных с двух сторон. На несколько недель Пушкин погрузился в изучение архивных документов»⁴⁴.

Изучая полученные архивные дела, Пушкин заводит специальные тетради, в которых конспектирует, а иногда и полностью копирует заинтересовавшие его документы или делает отдельные выписки, последовательно восстанавливая ход событий. На обложке 1-й тетради сверху надпись: «*Сентябрь 1773 го*», а вначале — карандашная запись: «*Первая бумага о Пугачеве*».

³⁹См.: Ю. Оксман: *Пушкин в работе над «историей Пугачева»*.

⁴⁰В черновом письме Пушкина к А.Х. Бенкендорфу от 6 декабря 1833 г. есть следующие строки: «Намерение мое было написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачева, но нашед множество драгоценных материалов, я оставил вымысел и написал *Историю Пугачевщины*». — Прим. автора.

⁴¹Н.А. Тархова. *Жизнь Александра Сергеевича Пушкина*. М. Издательство «Минувшее», 2009. С. 565.

⁴²Там же. С. 565.

⁴³Там же. С. 568.

⁴⁴Там же. С. 572.

25 марта 1833 г. А.С. Пушкин приступил к написанию «Истории Пугачёва», судя по тому, как эта дата значится на первоначальном (черновом) наброске первой главы.

Работа дополнялась новыми материалами, исправлялась и перерабатывалась в течение всего 1833 и в начале 1834 года...

«Он изучил всю доступную ему отечественную и иностранную литературу по теме, в том числе работы русских авторов (А.А. Бибиков, Н.Я. Бичурин, А.И. Левшин, В.Д. Сухоруков и др.), запретную книгу А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», публикации официальных актов в Полном собрании законов, сочинения иностранных историков и мемуаристов (Ж.-А. Кастера, А. Ферран, А.Ф. Бюшинг и др.), переписку Вольтера с Екатериной II из собрания сочинений Вольтера. Помимо печатных изданий, привлек рукописную литературу и мемуары (записки Н.З. Повало-Шейковского, И.И. Дмитриева, хроника П.И. Рычкова) и даже записал устные рассказы современников Пугачевского восстания, отправившись в августе 1833 г. в путешествие к берегам Волги и Урала, в края, ставшие главной ареной событий пугачевского бунта 1773–1775 гг.

Помимо изучения литературы и работы над документами Военной коллегии, Пушкин вел розыски документальных и мемуарных источников о Пугачевском восстании в частных коллекциях и фамильных архивах. В числе лиц, снабдивших его историческими источниками, были известные коллекционеры П.П. Свиньин и Г.И. Спасский, литераторы И.И. Дмитриев, И.И. Лажечников, П.А. Вяземский, Н.М. Языков, историк Д.Н. Бантыш-Каменский, владелец фамильного архива А.П. Галахов, давний приятель В.В. Энгельгардт...»⁴⁵

К середине мая 1833 года Пушкиным составлена хроника пугачевского восстания, систематизированы выписки из архивных и печатных источников. Карта Уфимско-чесноковского сражения, рисованная Пушкиным, являет собой пример проникновения в событие. В мае того же года Н.В. Гоголь пишет М.П. Погодину: «Пушкин уже почти закончил Историю Пугачева...» 22 мая датирован черновой набросок эпилога.

Больше четверти века (до пушкинской «Истории Пугачева») литература о пугачевском бунте была крайне скудна, тенденциозна и никак не могла удовлетворить серьезного исследователя. Сам Пушкин так характеризовал имеющуюся по этому вопросу литературу: «...история Пугачевского возмущения мало известна. В Записках о жизни и службе А.И. Бибикова мы находим самое подробное известие об оном; но сочинитель довел свой рассказ токмо до смерти Бибикова. Книжка, изданная под заглавием: Михельсон в Казани, есть не что иное, как весьма любопытное письмо архимандрита Платона Любарского, напечатанное почти без всякой перемены, с приобщением незначущих показаний. Г. Левшин, в своем Историческом и статистическом обозрении уральских казаков, слегка коснулся Пугачева. Сей кровавый и любопытный эпизод царствования Екатерины «мало известен...»

В процессе работы Пушкин обращался с письмами к очевидцам событий. Он

⁴⁵Использованы материалы интервью Р. В. Овчинникова «Занятия в архивах дают возможность познать вкус и азарт исследовательского поиска...». *Отечественные архивы*, 2007, № 3.

посещает Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск, опрашивает старожилов, вносит их рассказы в дорожную записную книжку⁴⁶.

О работе А.С. Пушкина в провинциальных архивах рассказывает пушкинист Н.В. Измайлов: «Выписки из местных провинциальных архивов Пушкин мог делать только во время путешествия в Поволжье и в Оренбургский край в сентябре 1833 года или, во всяком случае, после него. Хронологически первым пунктом в местах, где происходило Пугачевское восстание, был Нижний Новгород, который Пушкин посетил 2-3 сентября. Так как самый город не был связан с восстанием и Пушкин лишь бегло осмотрел его исторические и современные достопримечательности, он, вполне возможно, мог уделить несколько часов на просмотр — очевидно, немногочисленных — документов о Пугачеве, хранившихся в местном архиве. Это было, вероятно, на второй день его пребывания в городе — 3 сентября. При содействии губернатора М.П. Бутурлина, старавшегося быть особенно любезным с петербургским гостем, посланным (по его мнению) с тайным поручением от правительства, получить материал было нетрудно. Быстрой ориентировке в архивных делах помогло уже законченное в Петербурге изучение фонда Военной коллегии: Пушкин мог отбирать то, чего, как он помнил, не было в уже изученных им материалах. На большую спешность работы указывает, как было отмечено, и внешний вид текста — документ мог быть переписан (а частью пересказан) в несколько минут. Окончательное суждение здесь пока, однако, невозможно ввиду неизученности Горьковских (Нижегородских) архивных фондов в смысле возможности работы в них Пушкина.

Несравненно большее значение, чем Нижегородский архив, могли иметь для Пушкина архивы Казани и в особенности Оренбурга. Еще собираясь в путешествие и прося разрешения на отпуск у Бенкендорфа, Пушкин особо оговаривал, что хотел бы воспользоваться поездкой в свое нижегородское имение, чтобы «завернуть в Оренбург и в Казань, которых <он> еще не знает», и к этому добавлял: «Умоляю его величество позволить мне ознакомиться с архивами этих двух губерний».

* * *

У нас нет никаких сведений о том, был ли Пушкин в архивах Казани. Среди его материалов нет ни одного документа несомненно архивного казанского происхождения. По-видимому, он отказался от обследования архивов (скудость которых после пожара при взятии города войсками Пугачева могла стать ему известной от К.Ф. Фукса и других лиц) и ограничился лишь собиранием устных сведений от того же Фукса и от местных старожилов — В.П. Бабина и Л.Ф. Крупеникова.

Из Казани через Симбирск и Самару Пушкин отправился в Оренбург, куда прибыл 18 сентября. Пребыванию его в Оренбурге посвящена значительная литература, сохранилось немало воспоминаний и эпистолярных свидетельств, более или менее ценных (но иногда и вовсе не достоверных). Многие факты выяснены, кое-что остается спорным и неясным. Критически сопоставив все данные, можно установить следующее.

Пушкин прибыл в Оренбург, по-видимому, днем 18 сентября и остановился

⁴⁶О записях, сделанных А. С. Пушкиным, см., в частности, исследование Н.В. Измайлова «Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки»; См. также: «Пушкинист Н.В. Измайлов. В Петербурге и Оренбурге». Калуга: Золотая аллея, 2008.

сначала у губернатора В.А. Перовского на его загородной даче. Явившийся к Перовскому В.И. Даль в тот же день повел Пушкина к начальнику Неплюевского военного училища инженер-майору К.Д. Артюхову, у которого «была отличная баня», где путешественник и вымылся, а затем вместе с Далем вернулся на дачу Перовского, где и ночевал. Так прошел первый день.

На следующий день, 19 сентября, Пушкин с Далем (и, по-видимому, Артюховым) отправились утром в станицу Берды (бывшую штаб-квартирой Пугачева и его армии зимой 1773-1774 годов) и там слушали рассказы старухи, современницы восстания, казачки Бунтовой, а затем осматривали город, причем Даль показывал Пушкину расположение повстанческих войск во время осады Оренбурга. На это ушла первая половина дня; как прошла вторая половина — точно неизвестно. Вечер поэт провел у Даля, который к этому времени перевез его в город, и ночевал у него (или, по другим сведениям, на городской квартире Перовского). Что делал Пушкин утром 20 сентября — мы опять-таки не знаем. Днем он выехал из Оренбурга — вероятно, после обеда у Перовского — и отправился по берегу Урала вниз, к городу Уральску (бывш. Яицкому городку) — месту возникновения и начала Пугачевского восстания.

Таким образом, в распоряжении Пушкина было, несомненно, несколько свободных часов — вторая половина дня 19 сентября и первая половина дня 20. Эти часы он и мог употребить на работу в архивах.

Документы о Пугачевском восстании были сосредоточены тогда в архиве Оренбургской пограничной комиссии в виде двенадцати (точнее, четырнадцати) толстых переплетенных книг. Их содержание составляли, с одной стороны, получаемые в Оренбурге на имя военного губернатора генерала Рейнсдорпа указы и распоряжения Военной коллегии и других правительственных учреждений и высших начальников, донесения и письма местных и подчиненных начальников, протоколы допросов, манифесты и письма Пугачева и т.д., с другой стороны — отпуски и черновики донесений и писем Рейнсдорпа и других документов, направляемых в Военную коллегию и в другие места. Одним словом, это — материал, дополняющий то, что Пушкин видел в «книгах» из архива Военной коллегии, отчасти дублирующий его и освещающий, так сказать, с другой стороны. Многие из того, что было здесь, Пушкин, конечно, уже знал, но многое он должен был желать пересмотреть и проверить, а главное, поискать такие местные документы, которые не попадали в Петербург.

Таким образом, вероятность посещения Пушкиным Оренбургского архива не подлежит сомнению. Несомненно, однако, что ознакомление с пугачевскими материалами архива Пограничной комиссии представляло значительные трудности вследствие чернового характера многих документов, написанных частью на немецком языке, а частью — в трудно читаемой канцелярской скорописи XVIII века. Но нужно думать, что о своем желании заняться в архиве Пушкин еще в день приезда, вечером 18 сентября, переговорил с Перовским, и последний распорядился приготовить для него материал, и не только приготовить, но и помогать ему всячески в его работе. В этом отношении небезынтересен один рассказ, при всей его общей фантастичности содержащий какую-то долю истины⁴⁷.

⁴⁷Прокофьева А.Г., Фомичев С.А. Пушкинист Н.В. Измайлов. «В Петербурге и Оренбурге». «Золотая аллея». Калуга, 2008.

Отправляясь в далекое путешествие по пугачевским местам, Пушкин не планировал посещение Уральска. «Оренбург, последняя цель моего путешествия», — писал он жене из имения Языковых 12 сентября.

В поездке по Оренбургу и его окрестностям Пушкина, как известно, неотлучно сопровождал В.И. Даль.

Рассказчик В.И. Даль был великолепный. Яркие рассказы его, только что вернувшегося из длительной поездки по землям казачьего войска, об истории Яицкого войска, о «частых смутах, несколько раз здесь возникавших», о казачьих рыболовных промыслах, учуге, останавливающем красную рыбу, и, наконец, о самих уральцах, «непреклонных, безусловных читателях старины», сохранивших «дони-коновский быт, со всем странностями своими, радушием и закоренелыми предрассудками»⁴⁸ бесспорно могли вызвать у Пушкина решение продлить маршрут до Уральска. Впрочем, возможно, на то были и другие веские причины. («Полное понятие о внутреннем управлении яицких казаков, об образе жизни их и проч. необходимо для совершенного объяснения Пугачевского бунта», — напишет Пушкин позже).

Об окончательном решении посетить Уральск Пушкин сообщил жене из Оренбурга в письме от 19 сентября: «Я здесь со вчерашнего дня... завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дня три и отправлюсь в деревню (*Болдино — Л.А.*) через Саратов и Пензу».

Расстояние от Оренбурга до Уральска в то время исчислялось в 281 версту. В 1833 году почта преодолевала это расстояние за 30 часов. Она выходила из Оренбурга по вторникам в первом часу пополудни и прибывала в Уральск в среду в семь часов вечера. Если Пушкин выехал из Оренбурга днём 20 сентября, как пишет Анненков, то он мог приехать в Уральск вечером 21 сентября. Заметим, в июне 1837 года этой же дорогой из Оренбурга в Уральск проехал будущий император Александр II, в свите которого состоял В.А. Жуковский. Переезд занял всего 20 часов.

А.С. Пушкин не мог позволить себе так стремительно проехать мимо бывших крепостей, где ещё живы были участники и очевидцы пугачевского бунта. Поэт встречался с ними, беседовал. И даже зарисовывал полюбившиеся ему уральские ландшафты. «В бумагах Пушкина сохранился рисунок скачущей тройки на фоне крутого берега Урала недалеко от Нижнеозерной крепости. На всё это надо было много времени»⁴⁹.

Жители села Январцево, некогда бывшего Генварцевским форпостом, и в наши дни утверждают, именно здесь ночевал Пушкин. «В старой части села — Левантиневке — еще несколько лет назад стоял старинный дом с подклетью. Некогда здесь была почтовая станция. Пушкин не мог проехать мимо нее, возможно именно здесь он и ночевал...

Живет на селе и предание о том, что «приезжал некогда сюда такой чернявый человек, весь в черной бороде» и плывал с казаками на лодке по Уралу»⁵⁰.

Как предполагают уральские краеведы, в одном дилижансе с А.С. Пушкиным мог ехать Г.С. Карелин, — талантливый ученый-натуралист, прославившийся сво-

⁴⁸Николай Щербанов. «Поехал я в Уральск...» ЗКГУ, «Оптима», Уральск, 2006, стр. 79.

⁴⁹Там же. Стр. 94.

⁵⁰Там же. С. 94-95.

ими путешествиями по Уралу, по казахским степям, Алтаю и Сибири⁵¹. Выпускник первого Петербургского кадетского корпуса, он в 1822 году за написанную эпиграмму на А.А. Аракчеева был выслан в Оренбургский край. Здесь он занялся всерьез изучением географии, этнографии, минералогии, зоологии и ботаники. Интересный собеседник, Г.С. Карелин многое мог поведать Пушкину об уральском крае и яицких казаках.

Те сентябрьские дни 1833 года были, надо отметить, юбилейными: шестьдесят лет назад здесь, в уральских степях (17 сентября 1773 г.), был обнаружен первый именной указ Пугачева, а 18 сентября Пугачев с отрядом из трехсот казаков подошел к Яицкому городку.

«Уральские казаки (особливо старые люди) донныне привязаны к памяти Пугачева», — запишет Пушкин, и подчеркнет: — *имя Пугачева «гремит еще в краях» и «народ еще помнит» ту пору, «которую выразительно прозвал пугачевщиной».*

Об уральских впечатлениях он сообщил жене 2 октября, из Болдина: «*Последнее письмо мое должна ты была получить из Оренбурга. Оттуда я поехал в Уральск — тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, наперерыв давали мне известия, в которых имел нужду, и накормили меня икрой, при мне изготовленной».*

В Уральске Пушкин встречался с атаманом В.О. Покатиловым, полковником Ф.Г. Бизяновым, войсковым архитектором А.А. Гопиусом, священником единоверческой церкви В.И. Червяковым...

Многие уральцы радовались возможности увидеть известного поэта, приходили познакомиться, в доме атамана давали обеды, говорили речи, помогали ему находить главных свидетелей казачьего бунта.

«*Тамошний атаман Василий Осипович Покатилов (1788–1838) встретил и принял Пушкина очень тепло. Веселый, умный, энергичный, он был обаятелен в обращении с людьми и ловок во всех своих делах. «Настоящий Подкатилов, подкатился к нам масляным блином», — говорили в шутку о своем атамане казаки.*

В знак благодарности и за гостеприимство поэт переслал ему потом, в феврале 1835 года — через оренбургского военного губернатора В.А. Перовского — экземпляр своей «Истории Пугачевского бунта».

Известно, Пушкин остановился в «Атаманском доме», самом красивом в Уральске. Возможно, здесь, на обедах, и рассказывали ему казаки о Пугачеве. Все они знали немало интересного о событиях и людях ушедшего времени по рассказам своих отцов и дедов.

Уральский полковник Федот Григорьевич Бизянов, коренной уралец, участвовавший в суворовских походах и в войне 1812 года, мог многое рассказать о примечательных подробностях бунта, в частности, о своем дальнем родственнике казачке Петре Ивановиче Бизянове, который был дружкой (второй свадебный чин со стороны жениха) на свадьбе Пугачева с Устиньей Кузнецовой в Яицком городке.

Любопытно было побывать в Куренях⁵², в деревянном доме, в котором жила Устинья Кузнецова. О казачьей «царице» Пушкин услышал еще в Берде от казачки Бунтовой: «Устинью Кузнецову взял он насильно, отец и мать не хотели ее выдать, она же простая казачка, не королева, как ей быть за государем».

⁵¹Биограф Г.С. Карелина, Г.З. Блюмин, основываясь на документах Оренбургского областного архива, установил, что «и Пушкин, и Карелин выехали в Уральск из Оренбурга в один и тот же день — 20 сентября». См.: Георгий Блюмин. В Сибирь, прапорщиком, без выслуги. // Московские ведомости. М., 1991, № 14. — Прим. автора.

⁵²Древнейшая часть Яицкого городка, прилегающая к Михайло-Архангельскому собору. — Прим. автора.

Судьба простой казачьей девушки, ставшей в одночасье «императрицей Всероссийской» заинтересовала Пушкина. В его бумагах, в 1833 году, появится даже её предполагаемый портрет.

Рассказывая о взаимоотношениях Устиньи с Пугачевым, Пушкин уже не придерживается строгой точности, характерной для его исторического повествования. В нем заговорил романист: «Пугачев» «увидел молодую казачку Устинью Кузнецову и влюбился в неё. Стал он её сватать».

В одном из народных преданий, которое Пушкин мог слышать в доме Кузнецовых, есть колоритная сценка, вполне правдоподобно рисующая первое знакомство Пугачева с будущей «императрицей»: «Сидит это он, Петр Федорович, под окном и смотрит на улицу, а Устинья Петровна на ту пору бежит через улицу, в одной фуфаечке, да в кисейной рубашечке, рукава засучены по локти, а руки в красной краске. Она... занималась рукоделием, шерсть красила, да кушачки ткала, такая мастерица была.

Увидал её Петр Федорович, — а она была красавицей неописанной, — увидал ее и влюбился: спрашивает своих сенаторов:

— Чья это девица?

— Дочь казака Кузнецова! — говорят сенаторы.

— Сию ж минуту, — говорит, — ведите меня в дом к казаку Кузнецову.

И пошли в дом к Кузнецовым. Посмотрел Петр Федорович на Устинью Петровну пристально, а она вышла к нему обряжена как следует, в азарбатном сарафане, в жемчужной поднизке, с монистами и жемчугами на шее, в черевичках, золотом расшитых как следует девице хорошего отца-матери.

Посмотрел на неё Петр Федорович, и пуще прежнего полюбилась она ему, — больно красотой взяла...

— Хочу, — говорит, — на ней жениться»⁵³.

Примечательно указание Пушкина: «стал её сватать». Значит, были соблюдены все традиционные казачьи свадебные обряды. Это также подтверждается записями Железнова от 1858 года. «В проезд из Уральска, — пишет он, — я остановился у казака Ведерникова. У него есть бабка, девяносто двух лет. Старушка эта ясно помнит смутные времена пугачевщины. Будучи тогда уже взрослою девою, она часто видела дерзкого, но умного, по словам её, самозванца, бывала на вечеринках у его невесты Устиньи Кузнецовой, и однажды на одной из таких вечеринок слышала сказку, которую рассказывал, по обычаю тех времен, Пугачев своей невесте и девушкам...»⁵⁴.

Замуж за Пугачева Устинья шла охотно, по крайней мере, без принуждения. Это подтверждается и народными преданиями, и, что особенно важно, показаниями самого Пугачева: «Я послал Толкачева к Кузнецову с тем: спросить его, есть ли отдаст он волею дочь свою, так я женюсь, а когда не согласится, так силою не возьму. А на другой день была свадьба. Венчался в церкви Петра и Павла, и в песнях церковных во время венчания велел я жену мою именовать государынею императрицею Всероссийскою».

Свадьба состоялась 1 февраля 1774 года. Из показаний Михаила Толкачева известно и имя священника, венчавшего Пугачева и Устинью. Им был Сергей Михайлов».

⁵³И.И. Железнов. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Спб., 1919. Т. III. Стр. 153.

⁵⁴«Яицкая воля». Уральск, 1918. № 98

Встречался поэт и с простыми яицкими казаками. В примечании ко 2 главе «Истории Пугачева» читаем: «В Уральске жила еще старая казачка, носившая черевики его (то есть Пугачева) работы». В «Замечаниях» к «Истории Пугачева» Пушкин вновь упоминает о престарелой собеседнице: «Грех сказать, — говорила мне 80-летняя казачка, — на него мы не жалуемся, он (то есть Пугачев — Л.А.) нам зла не сделал».

Особенно запомнилась ему беседа с ветераном-пугачевцем Михаилом Пьяновым, сыном Дениса Пьянова, у которого квартировал Пугачев во время приезда в Яицкий городок в ноябре 1772 года и которому признался, что он царь Петр III.

«Михаил был одним из любимцев Пугачева, принадлежал к числу лиц, близко стоящих к нему. Пугачев был посаженным отцом на его свадьбе. Первый писарь Пугачева, «думный дяк» повстанческой военной коллегии яицкий казак Иван Почиталин показывал на допросе от 8 мая 1774 года в Оренбурге, что в январе 1774 года Пугачев выезжал из Бердской слободы в Яицкий городок, где «выбрал двух девок, которые ему были нравны, и женил двух своих любимцев — меня, Почиталина, и Михайлу Пьянова. Свадьба была сделана на счет Пугачева. И платье на невесту положил он свое...»⁵⁵

Содержание беседы с Пьяновым Пушкин привел на страницах «Истории Пугачева». Со слов Пьянова Пушкин выяснил характер отношений Пугачева с яицкими казаками: «Пугачев скучал их опекою. Улица моя тесна, говорил он Денису Пьянову, пируя на свадьбе младшего его сына»...

Михаил Денисович Пьянов был твердо убежден, Пугачев был не простой казак, а император Петр III. Когда Пушкин в беседе с ним отозвался о Пугачеве как о самозванце, то получил отповедь старого казака: «Он для тебя Пугачев, — ответил мне сурово старик, — а для меня он был великий государь Петр Федорович». Об этой фанатичной вере Пьянова и других уральских «престарелых очевидцев», так поразившей поэта, он говорил своим друзьям и знакомым как о самом сильном своем впечатлении от поездки на Урал.

Мысль о том, что восстанием предводительствовал не Пугачев, а истинный император Петр Федорович, преобладает в казачьем фольклоре на протяжении почти двухсот лет. Вслед за Пушкиным это отметили В.И. Даль, И.И. Железнов, В.Г. Короленко и др.» (Пугачевщина. М. — Л., 1929. Т. 2)»⁵⁶.

Приведем здесь и воспоминание войскового старшины Антона Петровича Бородина о пребывании Пушкина в Уральске, записанное Н.Ф. Савичевым и опубликованное в «Уральских войсковых ведомостях», в 1884 году, № 18. Вот эта запись: «Так и мне, — начал он (А.П. Бородин), — один из тех казаков, которых расспрашивал А.С. Пушкин, именно Бахирев сказывал, что когда Червяк, бывший некоторое время писарем у Пугачева, стал умирать, то Бахирев, задушевный приятель умершего и сам видевший самозванца, просил по-дружески Червяка перед смертью сказать истину: был то Петр III или самозванец Пугачев. На это Червяк положительно отвечал, что «это никто иной был, как император Петр III, потому, прибавил он, что таких знаний, распорядительности и проницательности не может быть в простом человеке. И мне, говорит, Александр Сергеевич Пушкин толковал, что это был самозванец, донской казак Емельян Пугачев и присвоил

⁵⁵ См.: Пугачевщина. М. — Л., 1929. Т. 2.

⁵⁶ Николай Щербанов. «Поехал я в Уральск...» ЗКГУ, «Оптима», Уральск, 2006, стр. 101-108.

себе имя умершего императора, но я этому не верю. Где новым людям знать, что в старину было...»⁵⁷

В Уральске, в простой казачьей избе, Пушкину довелось послушать лучших «песельников», «казаков-горыночей». Его поразила строгая манера казачьего многоголосия, отсутствие женщин в хоре. Не тогда ли перед глазами его возникла знаменитая сцена исполнения пугачевцами разбойничьей песни «Не шуми мати зеленая дубравушка», описанная в «Капитанской дочке».

Было спето стариками-казаками много старинных песен. Торопливо записывал их за казаками Пушкин.

А рыбная ловля! Напротив Учужского затона казаки-уральцы угощали поэта «свежей икрой». Обряд угощения назывался «презентом», или, по старинному казачьему выражению, «кусом».

«Пришли старики, — описывал красочную картину угощения икрой писатель С.В. Максимов, побывавший в Уральске в 1863 году, в очерке «Плавня» (Исторический вестник. СПб, 1883. Кн. VI), — поклониться от всего войска... Принесли они живого, самого крупного и икряного осетра. Когда атаман поклон и подарок принял, один старик быстрыми и умелыми руками вскрыл рыбу, вынул мешок с икрой, с такою же ловкостью и быстротою вскинул его на гроход и протер так тщательно, что пробились сквозь сетку одни только зерна, а пробойка, или слизистая оболочка мешка, осталась на грохоте и отброшена; свежую икру с крупными зернами, рассыпчатую, как круто сваренная гречневая каша, на наших же глазах старик просолил, перемешал деревянной ложкой в деревянной чашке и в таком первобытном виде преподнес наказному атаману... Попробовали и мы это незнакомое нам, необычайно вкусное вещество, которое язык не поднимается назвать свежей икрой в виду того подражания ей, которое продается под этим почтенным именем у Елисеева и Смурова...»

В Уральске бытует и фольклорная версия угощения Пушкина «свежей икрой» на берегу Урала. В одной из баек говорится: «Угощали казаки Пушкина икрой возле учуга, при нем сделанной».

Ну, Александр Сергеевич, как водится в Петербурге, берет ее на кончик ножа и мажет на калач...

Старик казак глядел, глядел, да и говорит Пушкину: «Ляксандра Сиргеиць, ну што уж ты ее ножичком да на кончик... да ты ее ложкой! У нас ентыва гавна полным-полно!»

После пребывания Пушкина в Уральске, кажется, сама жизнь дохнула на страницы его исторических произведений.

* * *

«Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве и сверх того 18 толстых томов in folio разных рукописей, указов, донесений и проч., — писал А.С. Пушкин. — Я посетил места, где произошли главные события эпохи мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою».

Живой портрет Пушкина тех времен оставила в своих воспоминаниях Констанция Габленц.

По приезде в Симбирск, Пушкин, как утверждали горожане, побывал в доме

⁵⁷Николай Щербанов. «Поехал я в Уральск...» ЗКГУ, «Оптима», Уральск, 2006, стр. 114

губернатора А.М. Загряжского⁵⁸, который передал ему письмо от жены, и позже «поприсутствовал» на уроке танцев юной Лизы Загряжской.

«Однажды осенью 1833 г. (между 8 и 14 сентября) во время урока танцев, — писала Констанция Габленц, — по зале пронесся слух, что приехал сочинитель А.С. Пушкин; мы все заволновались от ожидания увидеть его. И вдруг входит в залу господин небольшого роста, в черном фраке, курчавый шатен с бледным или, скорее, мулатским лицом... Мы все уже сидели по стульям и при его общем нам поклоне сделали ему реверанс. Через несколько минут мы все с ним познакомились и стали просить его танцевать с нами. Он немедленно же согласился, подошел к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцевал с каждой из нас по несколько туров вальса под звуки двух скрипок, сидевших в углу».

Как известно, Лиза Загряжская станет женой младшего брата Пушкина Льва Сергеевича.

К слову, Пушкин возлагал большие надежды на Симбирские архивы. Именно оттуда он рассчитывал получить большую часть информации о пугачевском бунте, но его ожидало разочарование. Все данные были сожжены дотла во время огромного пожара в Симбирске.

«Заслуга автора заключается в том, — заметил Р. В. Овчинников⁵⁹, что он впервые осуществил кропотливую работу по определению всех архивных документов, которые были в <его> распоряжении <...> во время <...> работы над «Историей Пугачёвского бунта», и воспроизвёл её в полном объёме в своём труде... Это во многом позволяет судить о степени осведомлённости великого русского писателя...»⁶⁰

Несколько слов об осведомленности Пушкина.

Давайте со вниманием прочитаем предисловие к «Истории Пугачева»:

«Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного. В нем собрано всё, что было обнаружено правительством касательно Пугачева, и то, что показалось мне достоверным в иностранных писателях, говоривших о нем. Также имел я случай пользоваться некоторыми рукописями, преданиями и свидетельством живых.

Дело о Пугачеве, доньше нераспечатанное, находилось в государственном Санкт-Петербургском архиве, вместе с другими важными бумагами, некогда тайнами государственными, ныне превращенными в исторические материалы. Государь император по своем восшествии на престол приказал привести их в порядок. Сии сокровища вынесены были из подвалов, где несколько наводнений посетило их и едва не уничтожило.

Будущий историк, коему позволено будет распечатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд — конечно несовершенный, но добросовестный. Историческая страница, на которой встречаются имена Екатерины, Румянцева, двух Паниных, Суворова, Бибикова, Михельсона, Вольтера и Державина, не должна быть затеряна для потомства.

А. Пушкин.

2 ноября 1833.

Село Болдино».

⁵⁸Дальнего родственника Загряжской – тетки Н.Н. Пушкиной. – Прим. автора.

⁵⁹Р.В. Овчинников (1926–2008) – историк, культуролог, исследователь произведений А.С. Пушкина о пугачевском восстании. Окончил Московский историко-археологический институт (1952). Защитил в 1954 г. кандидатскую диссертацию по теме: «Архитектурные разыскания. А.С. Пушкина по истории восстания Е.И. Пугачева», в 1981 году – докторскую: «Манифесты и указы Е.И. Пугачева». Работал в институте истории Российской академии наук (с 1971 г.). — Прим. автора.

⁶⁰См.: Р.В. Овчинников. «Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л.: Издательство «Наука», 1969.

Из прочитанного выделим следующую фразу: «*Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного...*» Заметим, Пушкин прямо говорит, книга — только часть его труда. Значит, была другая часть, был материал, им собранный, не вошедший, по каким-то причинам, в изданную книгу.

И другая, не менее многозначительная фраза: «*...Будущий историк, коему позволено будет распечатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд...*»

Кто мог стоять за Пугачевым? Не этот ли вопрос остался «за кадром»? В «Истории Пугачева» Пушкин мимоходом озвучивает версию франко-турецкого присутствия в подготовке пугачевской войны, не останавливаясь, впрочем, на ней обстоятельно: «В Европе принимали Пугачева за орудие турецкой политики. Вольтер, тогдашний представитель господствующих мнений, писал Екатерине: «По-видимому, этот фарс разыгрывается по воле шевалье де Тотт, но мы живем уже не во времена Димитрия, и пьеса, имевшая успех двести лет назад, ныне осweistана»». Пушкин приводит фрагмент ответного письма Екатерины Вольтеру: «Одни только газеты поднимают шум по поводу разбойника Пугачева, который ни в прямых, ни в косвенных отношениях с г. де Тотт не состоит»⁶¹.

О чем говорят эти две небольшие цитаты? Бунту Пугачева европейская, и, в частности, французская пресса уделяла немалое внимание. Европейские аналитики считали, Пугачев работает на интересы Турции. А Вольтер уверен был, что непосредственное руководство действиями Пугачевской армии осуществляет шевалье де Тотт⁶², хотя Екатерина предпочитала этому не верить.

Попутно напомним о донесении, отправленном в августе 1774 года Алексеем Орловым Екатерине II из Ливорно, когда решался вопрос об аресте «принцессы Елизаветы II»: «*Желательно, всемилостивейшая государыня, чтоб искоренён был Пугачев, а лучше бы того, если бы пойман был живой, чтоб изыскать через него суицидную правду. Я все еще в подозрении, не замешались ли тут французы, о чем я в бытность мою докладывал, а теперь меня еще более подтверждает полученную мною письмо от неизвестного лица*» (имеется в виду Елизавета II (Тараканова).

Приведем еще одно письмо графа А.Г. Орлова, отправленное 25 сентября 1774 года из итальянской Пизы Г.А. Потемкину о происхождении пугачевщины: «Я всё подозреваю и причины имею подозревать, не французы ли этой шутки причина. Я в бытность мою в Петербурге осмелился докладывать [о том], но мне не верили». Два дня спустя граф А.Г. Орлов сообщил императрице о получении им письма от самозванки. Граф считал, что это послание «в слог» несколько напоминает пугачевские воззвания. Поразимся прозорливости Орлова-Чесменского, который двести с лишним лет назад разглядел то, что лишь недавно подтверждено документами. Каким глубоким пониманием обстановки надо было обладать, чтобы сделать подобное заявление!

О проницательности, свойственной Пушкину, говорить не приходится.

⁶¹Сама Екатерина II в письмах к Вольтеру называла шведского короля «другом маркиза де Пугачева». — Прим. автора.

⁶²Барон Франсуа де Тотт (1733-1797) был сыном венгерского дворянина, который эмигрировал во Францию из Венгрии, тогда входившей в состав Османской империи. Де Тотт в 1754 году получил звание лейтенанта. В 1775 отправился в Константинополь в качестве секретаря своего дяди, Шарля Гровье, который был послом Франции в Османской империи. Вернулся в Париж в 1763 году, в 1766 году был направлен правительством в Швейцарию. В 1767 году был назначен консулом в Крымское ханство. Прекрасно знал турецкий язык. В 1769 году он отправился в Константинополь, где оказал Турции, во время начавшейся русско-турецкой войны, важные услуги в деле улучшения турецкой артиллерии и вообще турецких войск, сыграв важную роль в военных реформах в Османской империи. Консул Франции в Крымском ханстве. — Прим. автора.

В одном из вариантов предисловия к изданию Пушкин напишет: «Прискорбная судьба следовала по сему <пугачевскому> делу. Во время самого бунта запрещено было черному народу говорить о Пугачеве; по усмирении бунта и казни главных преступников императрица, прекратив судебное следствие по сему делу, повелела предать оное забвению. Сего последнего выражения не поняли, а подумали, что о Пугачеве запрещено было вспоминать. Таким образом, временная полицейская мера и худо понятое выражение возымели силу закона...»

По приезде 1 октября в Болдино Пушкин приводит в порядок собранные материалы. 2 ноября помечен новый текст предисловия к историческому труду, и этой датой определяется окончание всей работы над «Историей Пугачёва».

6 декабря 1833 года Пушкин писал графу Бенкендорфу о законченной им «Истории», прося «дозволение представить оную на высочайшее рассмотрение»⁶³. По докладу Бенкендорфа Николай I неожиданно ответил согласием на издание «Истории Пугачёва», но на представленной ему рукописи сделал ряд замечаний, которые пришлось учесть при окончательной подготовке рукописи к печати.

«Пугачёв пропущен, и я печатаю его на счет государя», — писал Пушкин в начале марта 1834 года П.В. Нащокину, а в своем дневнике отметил 28 февраля: «Государь позволил мне печатать Пугачёва: мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными)».

Издание осуществлялось под непосредственным наблюдением директора типографии (2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии) бывшего лицейского одноклассника и друга Пушкина — М.Л. Яковлева. Между Пушкиным и Яковлевым возникла переписка, из которой мы узнаем подробности печатания книги. Так, Яковлев на предисловии против имени Вольтера писал: «Нельзя ли без Вольтера?».

Пушкин отвечал: «А почему ж? Вольтер человек очень порядочный, и его сношения с Екатериной суть исторические».

Пушкину пришлось, однако, уступить.

«История Пугачёвского бунта» вышла в свет в последних числах декабря 1834 года в количестве 3000 экземпляров⁶⁴ без цензуры, как сочинение уже «удостоенное высочайшего прочтения», но встречена была холодно и успеха у читателей не имела. Большая часть экземпляров издания осталась нераспроданной. В феврале 1835 года Пушкин записал в дневнике: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении...»⁶⁵

⁶³«Я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачева, но нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал Историю Пугачевщины. Осмеливаюсь просить через ваше сиятельство дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение. Не знаю, можно ли мне будет её напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для его величества особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных». Пушкин А.С. Полн. соб. соч. Изд. АН СССР. Т. 15. Л., 1948, стр. 98.

⁶⁴С выходом книги А. С. Пушкину представили счет от типографии. Напечатание «Истории Пугачевского бунта» обошлось ему в 3 291. 25 рублей. — Прим. автора.

⁶⁵Рассчитывая получить 40 тыс. руб. от продажи «Истории Пугачева», Пушкин составил список предстоящих уплат (см.: Рукою П., стр. 377-380), однако надежды его не оправдались. По подсчету П.Е. Щеголева, Пушкин выручил от продажи «Истории Пугачева» не больше 20 тыс. руб. После смерти Пушкина в его квартире оказалось 1775 экземпляров «Истории», оставшихся из 3000 напечатанных. См.: П.Е. Щеголев. 1) Бюджет А.С. Пушкина в последний год его жизни. «Прожектор», 1929, № 11, стр. 23; 2) Материальный быт Пушкина. «Искусство», 1929, № 3-4, стр. 42; см. также: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. Изд. Всесоюз. книжн. палаты, М., 1962, стр. 359-370. — прим. автора.

К этому прибавились и другие неприятности. Помимо выпадов С.С. Уварова и других недоброжелателей и врагов поэта в январе 1835 года в «Сыне отечества» появилась анонимная рецензия, использованная в целях дискредитации труда Пушкина Ф.В. Булгариным и вызвавшая ответ поэта в «Современнике» 1836 года»⁶⁶.

Заканчивая тему, нельзя не сказать о следующем. В пензенском журнале «Земство», в 1995 году, были опубликованы воспоминания Е.Н. Бибиковой — внучки Н.Н. Пушкиной-Ланской. Много услышала она в детстве о любимом поэте от бабушки. Позволим себе привести несколько строк из воспоминаний: «... Писал он всегда по ночам, приходил поздно, часто играл в азартные игры, чтобы отыграться, и, наоборот, проигрывал. Однажды Пушкин принес бабушке целую пачку денег, положил в шкатулку и сказал жене: это тебе на расходы, но вместо того, чтобы лечь спать, опять пошел играть, взял деньги обратно и все проиграл. Вероятно, переживания Германа в «Пиковой даме» Пушкин переживал сам со своей кипучей натурой. Ему тяжело было иметь заботу о целой семье и видеть нехватки. Приходили из журналов редакторы, и Пушкин, взяв вперед деньги, уклонялся от их упреков, и говорили, что его дома нет. Поездку на Урал, чтобы написать историю Пугачевского бунта, устроили ему друзья...» Этими словами, на наш взгляд, можно и закончить многолетний академический спор о том, кто субсидировал поездку Пушкина на Урал.

* * *

Впрочем, вернемся к Екатерине II в Зимний дворец и приглядимся к происходящим там событиям. Исследователи пугачевского бунта как-то упускают из виду любопытный факт: появление Емельяна Пугачева на Яике, действия его «сволочи» в Оренбуржье и на Урале, как и появление в Польше княжны Елизаветы II (Таракановой) удивительным образом укладываются в рамки двух дат — 10 октября 1772 года и 20 сентября следующего 1773 года.

В октябре 1772 года цесаревич Павел Петрович достиг совершеннолетия, и Екатерина II, согласно договоренности, существовавшей между нею и братьями Паниными и Орловыми, возведшими ее на престол (мы уже говорили об этом), должна была уступить трон сыну. Но умная, хитрая, обворожительная и расчетливая женщина, которая и приехала в Россию с одним намерением оказаться на престоле, за время регентства вкусила власть и отдавать её не желала. Но как обойти договоренность, существующую с 1762 года?

При Петербургском дворе, как и в Москве и в Европе со вниманием следили за развивающимися событиями. Отдаст или не отдаст власть? А если не отдаст, то как оправдает свой поступок?

Спрошу Вас, мой добрый читатель, как бы Вы поступили на её месте? Похоже, стоило бы предпринять действие, которое отвлекло бы внимание всех от мысли о передаче власти.

И, действительно, начинается интрига. Екатерина II решает женить сына. Из Европы привозят красавицу принцессу Гессен-Дармштадтскую Вильгельмину (в православии Наталья Алексеевна), с появлением которой Екатерина Алексеевна удачно избавляется от одного из главных своих соперников — графа Панина. Це-

⁶⁶См.: К 100-летию со дня гибели А.С. Пушкина. «А.С. Пушкин – исследователь пугачевского движения», П. Софинов. Исторический журнал, февраль, 1937. С. 38-51.

царевич достиг совершеннолетия, и воспитатель ему более не нужен. Под этим предлогом она выселяет графа Панина из Зимнего дворца. Освободившиеся апартаменты переходят к будущей супруге цесаревича. Под различными предложениями удаляет она от себя и братьев Орловых. После десяти лет фаворитства был отставлен Григорий Орлов. Его ненавистники при дворе, и среди них министр иностранных дел Никита Панин, нашли Григорию замену — кавалергарда Васильчикова. Сам Григорий при этом был как бы заточен в почетную ссылку в Гатчину, старший брат его Иван жил в деревне, Алексей с Федором находились за тысячами верст от Петербурга, и, наконец, пятый Орлов, Владимир, получив под начало Академию наук, ушел с головой в дела. Семейство на глазах у всех лишалось своего положения у трона.

Впрочем, и врагов у Екатерины не становится меньше.

Напомним, шла русско-турецкая война, которую России объявила Турция в 1768 году. Дипломатия герцога Шуазеля, министра иностранных дел Людовика XV, спровоцировала нападение Порты на Россию в самое неблагоприятное для Петербурга время, когда императрица была поглощена польскими делами. В разгар русско-турецкой войны, в которой на стороне Порты принимали участие французские волонтеры и военные советники, в том числе и в полковничьих чинах, версальская дипломатия помогла королю Швеции Густаву III осуществить в августе 1772 года государственный переворот, имевший антирусскую направленность.

Король Франции поддержал и Барских конфедератов⁶⁷ в их восстании против России в 1768 г. Им направлены были в Польшу военные отряды во главе с генералом Шарлем Демурье, которые разбил А.В. Суворов. Волнения конфедератов, возмущенных разделом Польши в 1772 году, впрочем, продолжались. И главным врагом для них оставалась Екатерина II.

В Европе, как и в России, повторимся, с обостренным вниманием следили за событиями в Петербурге. В столице же Российской империи готовились к свадьбе цесаревича Павла Петровича с великой княжной Натальей Алексеевной.

И здесь постараемся не упустить из виду любопытный факт: бракосочетание цесаревича Павла Петровича с Великой Княжной Натальей Алексеевной⁶⁸ состоялось 20 сентября (10 октября) 1773 года в Казанском соборе⁶⁹, а 17 сентября того же года Емельян Пугачев на Яике зачитывает свой первый «царский» указ. Казакам объявляет, сам царствовать не желает и стремится возвести на престол своего «сына» — цесаревича. «Царь» плакал перед образами, говоря при этом: «Дай-то Бог, чтобы я мог дойти до Петербурга и сына своего увидеть здорового». На церковных службах по распоряжению Е.И. Пугачева священники поминали «государя Петра Федоровича, Павла Петровича и великую княгиню, а всемиловитой государыни не поминали».

⁶⁷ Конфедераты – участники союза (конфедерации), созданного шляхтой – дворянством Речи Посполитой в крепости Бар на Подолии (1768-1772), выступавшие против короля Станислава Августа Понятовского и усиления влияния России. После поражения часть конфедератов была отправлена в ссылку в Россию. – Прим. автора.

⁶⁸ Став супругой цесаревича Павла Петровича, по внушениям Никиты Ивановича Панина, она восстанавливала подпаавшего под ее влияние супруга против его матери, внушая, что настала пора ему самому царствовать. — Прим. автора.

⁶⁹ По пути шествия торжественной процессии от Зимнего дворца и до Казанского собора по обеим сторонам Миллионной улицы и Невской перспективе были выстроены 8 тысяч 28 солдат. Все балконы и окна по обеим сторонам улиц, по которым шло шествие, были заполнены публикой. Выход из Зимнего дворца императрицы, великого князя и его невесты в 11 часов утра сопровождался выстрелами из 21 пушки и «Начался при игрании на трубах и при битии на литаврах».

Целый месяц грабил и жег Пугачев поместья дворян, вешал священников, дьяконов, офицеров, — русскую духовную элиту, — не получая отпора от власти. Удивительно, власть бездействовала.

И тут неволью может возникнуть мысль (да простит меня за неё мой читатель!), не приложила ли руку к разгорающейся беде сама Екатерина II. Вы ждете, чем дело кончится? Отдам власть или нет? Так вот вам: займитесь собой, спасайте себя, родных, добро, годами нажитое.

Было ли такое, сказать трудно. Прямых доказательств участия её в пугачевском деле нет.

Здесь же, попутно, скажем и об истории со штандартом государя Петра Федоровича. Как оказался в армии Пугачева этот штандарт, сыгравший немалую роль в утверждении его власти?

Появление голштинского знамени в армии «самозванца» вызвало сильный переполох в Санкт-Петербурге. Всем было памятно негодование императрицы, когда среди различных пугачевских военных знаков и знамен было найдено «голштинское» знамя наследника Павла I, жившего тогда в Гатчине, замечает современный исследователь.

Кстати, Екатерина II, должно быть, почувствовала и то, что ее «немецкий генералитет» оказался причастен к заговору под маской Пугачева.

Этот намек мы встречаем у Пушкина, причем, не в основном тексте «Истории», а в приложении, где он, оценивая действия немцев на Южном Урале, писал: «Все немцы, находившиеся в средних чинах, сделали честно свое дело: Михельсон, Муфель, Меллин, Диц, Деморин... Но все те, которые были в бригадирских и генеральских, действовали слабо, робко, без усердия: Рейнсдорп (оренбургский губернатор, так и не вышедший дальше крепости), Брант, Кар (был один из первых, кого императрица назначила Указом на подавление бунта), Фрейман, Корф, Валленштерн, Декалонг (так и не спасший Челябинскую крепость), Билов etc. etc...»

Екатерина II даже назначила специальную комиссию для расследования данного факта⁷⁰. Действительно, среди трофеев, захваченных отрядом полковника И.И. Михельсона при разгроме войска Е.И. Пугачева 25 августа 1774 г. у Солениковой Ватаги, в приволжской степи между Царицыным и Черным Яром, оказалось и т.н. «голштинское знамя». Известие об этом так ввело в гнев императрицу, что письмо её М.Н. Волконскому — главнокомандующему в Москве и первоприсутствующему в тамошнем отделении Тайной экспедиции Сената, датировано уже 15 сентября: «Я послала в Ораниенбаумский арсенал осматривать, не оттуда ли оно было выкрадено; но там что было, все в целости находится; а тамошний генерал-майор Ферстер узнал, что сие знамя зятя его Дельвигова полка; и как Ферстер с Мерлиным были у разбора голштинских дел, то они утверждают, что ими в комиссариат отдано по приложенной записке знамен и штандарт... И естли вы найдете канал, коим образом сие знамя до Пугачева дошло, то весьма хорошо будет»⁷¹.

Осмотрено все было, думается, с самым прилежным тщанием, поскольку в записке императрицы Г. А. Потемкину, датируемой тем же временем, указывается: «Старайся узнать, отданные в Комиссариат знамены голштинские живописцем Фохтом — целы ли и все шесть тамо ли налицо или куды их девали. И спросите о

⁷⁰См.: Беспалов А. *Армия Петра III: Голштинский корпус в России 1755-1762*. М., 2003. С. 80.

⁷¹См.: *Оснадацатый век. Исторический сборник*. М., 1868. Кн. 1. С.134-135. Цит. по: Екатерина II и Г.А. Потемкин: *Личная переписка 1769-1791* / Изд. подг. В.С. Лопатин. М., 1997. С. 597.

сем у Мерлина. Он должен знать, ибо он был у разбора и заплата Голштинских дел. Рисунок же у Федора Матвеевича. А на то, что Фохт говорит, что Белое знамя им отдано было самому императору, нечего смотреть, а надо смотреть в комиссариат»⁷².

4 ноября 1774 г. Е.И. Пугачев был доставлен в Москву и в тот же день допрошен главой созданной для этого особой следственной комиссии, тем самым генерал-аншефом князем М.Н. Волконским⁷³. В качестве одной из важнейших тем, судя по протоколу, «злодей, спрашиван о знаме. Злодей говорил, что-де во многих крепостях браны были знамена, а какие они, — он не знает, потому что брали и к нему приносили яицкие казаки, но ис которой крепости имянно взято, — он не знает, только того знамя, кроме казаков, из других мест [никто] не привозил»⁷⁴. Речь шла, разумеется, о голштинском. Затем последовал одиннадцатидневный допрос Пугачева, с целью выяснить всю историю его жизни и действий до самого ареста, и одновременно состоявшиеся дополнительные 14 допросов и очных ставок по отдельным темам⁷⁵. Один из них, 8 ноября, Волконский почти полностью посвятил интересующему нас предмету: «злодей Пугачев спрашиван о знаме (которое ему и показывано), где оно полонено. На что злодей сказал, что это знамя нигде не полонено, а найдены Перфильевым в двух сундучках два знамя, одно — с черным гербом, а другое — это, когда его злодейскою шайкою разбита была легкая полевая каманда под Дубовкою»⁷⁶. То есть само полотнище возможно было в целости доставлено в Москву. «Здесь мы вынуждены констатировать еще одну ошибку А. Беспалова, — замечает один из современных исследователей, — выходит, знамя досталось пугачевцам не под Оренбургом, а после разгрома отряда полковника А.И. Дундукова 16 августа 1774 г. у реки Пролейки между Саратовом и Царицыным. Пехоту этого отряда составляла 1-я когорта (легкая полевая команда) секунд-майора Августа Томасовича фон Дица, погибшего в этом сражении.

Спросим себя, вслед за любознательным безымянным исследователем, найденным нами в интернете, материалами которого мы здесь воспользовались, зачем и кто в глухом углу империи возил при воинской части полотнище с вензелями преставившегося «от геморроидальной колики» более десяти лет назад императора? Откуда оно, — свидетельство царской власти, — там взялось?

* * *

Теперь о Барских конфедератах, княжне Елизавете II (Таракановой) и кексгольмских сидельцах.

События, связанные с восстанием Барских конфедератов, едва ли не отправная точка в деле Пугачева. Но много ли мы знаем о конфедератах? А княжна лже-Тараканова или, вернее, принцесса Елизавета II? О ней вроде бы знаем, много читали, но, на поверку, не все нами прочитанное соответствует истине.

⁷²Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка (1769-1791). РАН, серия «Литературные памятники». М., «Наука», 1997.

⁷³См.: «Биография секунд-майора Николая Захарьевича Повало-Швьыковского: «По прибытии в Москву, Пугачев содержался на монетном дворе и занимал особую комнату, имеющую вид треугольника. Цепи имел на руках, ногах, и укрепленную в стене, поперек тела. Стража состояла из 10-ти человек Преображенцев и роты 2-го Гренадерского полка, под командою капитана Карташева. Главным же начальником конвоя был Гвардии Преображенского полка капитан Галахов, сопровождавший его от Симбирска до Москвы и находившийся при нем по день казни, т. е. по 10-е Января 1775-го года. В продолжении заключения своего Пугачев не показывал робости, сохранял равнодушие. Одет был со времени плена в нагольной тулуп».

⁷⁴См.: Емельян Пугачев на следствии: Сб. материалов и документов. М., 1997. С. 216).

⁷⁵Там же. С.29

⁷⁶Там же. С. 217.

И, наконец, кексгольмские сидельцы. Речь идет о двух женах Емельяна Пугачева и трех его детях от первого брака. Оправданные судом, ни в чем не повинные (всего лишь сопровождали Пугачева в его походах), все они были приговорены к заключению в Кексгольмскую крепость, где и окончили дни свои. Достаточно сказать, младшая дочь Пугачева, в малом возрасте попавшая в заключение вместе с матерью, братом и сестрой, провела в крепости 60 лет. За что?

Какую тайну знали кексгольмские сидельцы? Что так пугало царствующих особ, что даже Павел I, освободивший, после смерти матери, многих несправедливо пострадавших в её царствование, ознакомясь с делом сидельцев, постановил оставить все, как было.

Ответ на этот вопрос, и объяснится суть пугачевского бунта, причины, породившие пугачевщину. Постараемся, в меру сил, ответить на него. Но об этом позже.

А пока предоставим возможность читателю познакомиться со статьей А.В. Арсеньева «Женщины пугачевского восстания. Приключения и судьба «женок», причастных к Пугачевскому бунту», опубликованной в 1884 году, в журнале «Исторический вестник». В ней, в частности, находим любопытный рассказ о кексгольмских сидельцах.

«...Раньше Пугачева в Москву посланы были и «жонки Пугачева, Софья⁷⁷ с дочерьми и Устинья⁷⁸ с матерью для новых допросов в тайной экспедиции, к заведывавшему московским ея отделом обер-секретарю сената, Степану Ивановичу Шешковскому.

После допросов Устинью Пугачеву посадили под крепкий караул, приберегая для посылки в Петербург, где императрица Екатерина II выразила желание видеть пресловутую «императрицу Устинью», а Софью Дмитриеву, в видах успокоения народной молвы, ибо о Пугачеве в народе говорили «разно» и подчас для правительства неприятно, — пустили гулять по базарам, чтобы она всем рассказывала о своем муже, Емельяне Пугачеве, показывала его детей, словом разсеивала своим живым лицом и свидетельством мнение, что Пугачевым назвали истинного государя Петра III.

Народ, незадолго перед тем с нетерпением ожидавший Пугачева, как царя Петра Феодоровича, слушал рассказы Софьи, ходил смотреть «самого Пугача» на монетный двор — и, должно быть, убеждался.

10 января 1775 года, в жестокий мороз была совершена казнь Пугачева, а о женах его в пункте 10 сентенции о казни было сказано:

«А понеже ни в каких преступлениях не участвовали обе жены самозванцевы, первая Софья, дочь донского казака Дмитрия Никифорова (Недюжина), вторая Устинья, дочь яицкого казака Петра Кузнецова, и малолетние от первой жены сын и две дочери, то без наказания отдалить их, куда благоволит Правительствующий Сенат»⁷⁹.

Перед «отдалением» Устинью Кузнецову (славящуюся своей красотой. — Л.А.) привезли в Петербург, чтобы показать ее императрице Екатерине II, и когда монархиня внимательно осмотрела яицкую красавицу, то заметила окружающим:

— Она вовсе не так красива, как прославили...

Устинье в то время было не более 17-18 лет. Может быть, волокита и маета по

⁷⁷Первая жена Е. И. Пугачева. — Прим. автора.

⁷⁸18-летняя казачка, вторая жена Пугачева. — Прим. автора.

⁷⁹См.: Журнал судебного заседания Сената по делу Е.И. Пугачева и его соратников. 31 декабря 1774 г

тюрьмам, секретным комиссиям и допросам, при которых не раз, вероятно, она попробовала и плетей, сняли с лица её красоту и состарили!..

С этого времени об Устинье и Софье исчезли было всякие сведения о дальнейшей участи несчастных женщин.

Сведения о дальнейшей судьбе «пугачевских жонок» ныне появляются в печати в первый раз, заимствованные из подлинного документа, находящегося в Государственном Архиве, и в копии обязательно сообщенного редакции «Исторического Вестника».

Судьба их после сентенции и казни Пугачева, вероятно, была никому или очень немногим известна и из современников-то, а через короткое время память о них по Сю сторону Волги и совсем сгубла — убрали, «отдалили» — и концы в воду!

И только через двадцать один год после казни Пугачева короткое сведение о них появляется на свет Божий!

Император Павел Петрович, вскоре по восшествии своем на престол (14 декабря 1796 г.) приказал отправить служившаго при тайной экспедиции коллежского советника Макарова в Кексгольмскую и Нейшлотскую крепости, поручив ему осмотреть содержащихся там арестантов и узнать о времени их заточения, и содержании их под стражею или о ссылке их туда на житье.

В сведениях, представленных Макаровым, между прочим написано:

«В Кексгольмской крепости Софья и Устинья, женки бывшего самозванца Емельяна Пугачева, две дочери, девки Аграфена и Христина от первой и сын Трофим. С 1775 года содержатся в замке, в особливом покое, а парень на гауптвахте, в особливой (же) комнате. Содержание имеют от казны по 15 копеек в день, живут порядочно. Женка Софья 55 лет, Устинья — около 36 лет, девки одна 24-х, другая 22-х; малый же лет от 28 до 30. Присланы все вместе, из Правительствующего Сената. Софья — дочь донскаго казака и оставалась во время разбоя мужа ея в доме своем (вначале, а впоследствии она была взята под стражу), а на Устинье женился он, быв на Яике, а жил с нею только десять дней⁸⁰. Имеют свободу ходить по крепости для работы, но из оной не выпускаются; читать и писать не умеют... Так вот какова судьба усладительниц дней Пугачева... Они были отданы на жертву гарнизонных сердцеядов-солдат и офицерства, и долгую жизнь свою прожили в стенах крепости, питаясь поденщиной. Что было с ними далее — неизвестно; вероятно, они так и померли в Кексгольмской крепости, сжившись с нею»⁸¹.

Ни в чем неповинных, их везли в 1775 году в Кексгольмскую крепость, как опасных государственных преступников. О том свидетельствует специальная инструкция, написанная 11 января того же года, в которой, в частности, говорится:

«1) Взяв по подорожной из ямской конторы подводы, и посадя тех женок и детей в разные сани по двое, ехать в Выборг, не заезжая в Петербург, а объехав оный стороною, не останавливаясь нигде праздно ни малое время.

2) Будучи в пути содержать тех женок под караулом, никого к ним посторонних не допускать, ножа, яду и протчих орудиев, чем человек может себя и другого повредить, им не давать, за ними же смотреть, чтобы они из-под караула каким-либо образом уйти не могли.

⁸⁰Если Устинья считает «житьем» с ней еженедельные его к ней приезды, то она совершенно права. — Прим. А.В. Арсеньева.

⁸¹А.В. Арсеньев. Женщины пугачевского восстания. Приключения и судьба «женок», причастных к Пугачевскому бунту. Исторический вестник, 1884 — т. 16 - № 6. С. 11-12.

3) Никаких с ними разговоров не иметь».

Удивительно, не освободил кексгольмских сидельцев ни император Павел Первый, выпустивший после смерти матери на свободу А. Радищева («бунтовщика, хуже Пугачева», — так называла его Екатерина II. — Л.А.), ни император Александр Первый, заступивший место отца, после его убийства в 1801 году.

Что же такое могли знать узники, если до самой кончины не разрешено им было покинуть крепость.

Повторимся, ответ на этот вопрос, и объяснится суть пугачевского бунта, причины, породившие пугачевщину. Но об этом позже.

К кексгольмским сидельцам мы еще вернемся.

Поговорим теперь о другом.

* * *

Итак, восстание Барских конфедератов.

29 февраля 1768 года в Речи Посполитой, в городе Бар образуется так называемая «Барская конфедерация». Костяк её составляют польское шляхетство (далеко не однородное по национальному признаку, включающее в себя евреев, перебивших веру), и римско-католические священники. Конфедерация, собственно, и была создана по призыву краковского епископа Каэтена Солтыка⁸².

Меж тем, угнетение православного населения в Польше продолжалось. В 1766 г. посол Екатерины князь Н.В. Репнин потребовал от польских властей прекратить геноцид русского населения. Но получил отказ.

Князь Репнин понимал, католический фанатизм неодолим и в защиту православных следует показать силу. Страсти разгорались.

На сейме 1766 г. краковский епископ Солтык фанатической речью добился признания *врагом отечества* всякого, кто осмелится выступить в пользу иноверцев (диссидентов). Папа Климент XIII, в свою очередь, прислал послание против уступок «диссидентам», что еще более воодушевило латинян. Епископ Солтык повсюду рассылал свои пастырские послания, гласящие: «Любезнейшие сыны, пастырству нашему порученные! Упражняйтесь во всякого рода добрых делах, взывайте с сокрушением духа Трону Милосердия, чтобы ниспослал Духа Святаго на сейм для утверждения веры святой — католической, для мужественного отпора претензиям диссидентов, для сохранения основных прав вольности»⁸³.

Своему другу Виельгурскому же Солтык писал, как политик: «Императрица домогается двух вещей: генерального поручительства за конституцию и восстановления диссидентов. Что касается диссидентов, то *покой нации зависит от того, чтобы диссиденты, а именно — не униаты, не были ни в сенате, ни в министерстве*»⁸⁴.

«Интриги папского нунция Дурины тоже разжигали антиправославные на-

⁸²«Когда, по воле Екатерины II, Станислав Понятовский вступил на древний престол Пястов, враждебная нам в Польше и поддерживаемая Францией партия, во главе которой стоял коронный великий гетман граф Браницкий, обратилась с просьбой о помощи к Версальскому кабинету. Герцог Шуазель, первый министр Людовика XV, заботясь о восстановлении прежнего влияния Франции на дела северных государств, рад был такому обстоятельству и не замедлил им воспользоваться. Образовалась Барская конфедерация, враждебная королю Станиславу и поддерживавшей его России». (П.Н. Мельников-Печерский. Собрание сочинений в 6 т. М., Правда. Т.6. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская). — Прим. автора.

⁸³См.: Воейков Н. Н. Церковь, Русь, и Рим, Изд. Свято-Троицкого монастыря. Джорданвилль, 1983. Глава VII. 2. «Возвращение древних русских вотчин и конец унии.

⁸⁴С.Соловьев, т. XXVII, гл. III, с. 147-148.

строения, — писал Н.Н. Воейков, русский историк зарубежной церкви в своей книге «Церковь, Русь и Рим», изданной Свято-Троицким монастырем, в Джорданвиле, в 1983 году. — В ответ на эту агитацию императрица велела двинуть русские войска в польскую Малороссию. На сейме 1767 г. кн. Репнин принужден был арестовать епископа Солтыка⁸⁵, Залусского и других фанатиков. Сейм, пораженный такой решительностью, проголосовал за просимые уступки православным и уравнивание прав диссидентов с латинянами, но лишь только русские войска удалились, недовольные королевской политикой и уступками образовали Барскую конфедерацию...»

Уравнивание прав «диссидентов» с католиками вызвало противодействие со сто-

⁸⁵В 1773 г. Екатерина II освободила его. В тот год папа Климент XIV буллой «Dominus ac Redemptor Noster» от 21 июля упразднила орден иезуитов вследствие непрерывных жалоб почти всех католических государей на их интриги и аморальные поступки. Французский парламент Людовика XV еще в 1764 г. обнародовал целый обвинительный акт против антихристианской деятельности иезуитов, что повлекло их изгнание из королевства. Португалия выгнала орден еще в 1759 г.; Испания — в 1764 г.; Парма — в 1768 г. Король Испании — Карл III, возмущенный жестокосердной политикой иезуитов в своих Южно-Американских владениях, изгнал их оттуда в 1767 г. по просьбе своих губернаторов и епископов, а также вождей истребляемых иезуитами индейских племен. В 1773 г. орден насчитывал около 23.000 человек.

Екатерина II, гордившаяся своим либерализмом не менее чем дружбой с Вольтером и энциклопедистами, не замедлила оказать ордену свое покровительство, следуя советам Фридриха Великого.

Прельщенная изяществом манер, светским лоском и живым умом этих культурнейших «воинов-монахов», императрица решила дать им приют в России. Делая это, она сознательно забывала о всех кознях, причиненных орденом западным православным в течение столетий их господства в Польше. Пуская иезуитов в Россию, где они вскоре избрали своего «генерала-викария», Екатерина тем самым открывала путь их антирусской и антиправославной деятельности в обеих столицах.

Вряд ли ей был известен секретный рапорт иезуита о. Фавста, папского агента при короле Станиславе Понятовском, писавшего о ней следующее: «Пока она (имп. Екатерина II) жива, все будет удаваться россиянам, и самые их ошибки будут обращаться же в пользу, а для противников — победы будут равняться поражениям. Когда же Екатерина отойдет в вечность и в ее наследнике не окажется ни ее прозорливости, ни стойкости убеждений, ни умения выбирать себе помощников, ничего такого, что нужно России, а так как возрождение Польши зависит от ошибок и заблуждений России, а благоденствие свое она может почерпнуть только в ослеплении своей вековой соперницы, то наш долг терпеливо ждать перемены и, по мере возможности, подготавливать почву к восприятию того, что пошлет нам судьба».

Судьба послала иезуитам в России некоторое число горячих приверженцев среди придворных и аристократических кругов.

Отсутствие патриаршей власти в России особенно ярко чувствовалось в этот торжественный момент воссоединения веками гонимых православных с Матерью-Церковью.

Либерализм императрицы, принявшей столь радушно злейших врагов Православия, отразился и на ее правлении. Екатерина, продолжая антицерковную политику Петра I, упразднила за ненадобностью 252 монастыря, а 161 предоставила жить только на подаяния. К русским святителям она относилась с недоверием, и ее царствование омрачилось недостойными великой императрицы жестокостями в отношении духовенства. Ее «Коллегия Экономии» — наследница «Монастырского Приказа» — попросту отняла у Церкви около миллиона крестьянских душ в пользу государства, а монастыри и епархии были разделены на три категории, получающие соответствующее содержание от «коллегий».

Против таких цезаропапистских мероприятий восстал Арсений (Мацеевич), митрополит Ростовский, обвинив императрицу в «сребролюбии и лукавстве» и в приверженности к материалистическим западным теориям. Арсений был одним из образованнейших иерархов Русской Церкви, равный и по духу и по смелости св. Филлипу, митрополиту Московскому. Екатерина сперва в 1767 г. сослала его в монастырь под Полярный круг, в надежде, что он одумается; затем, переодев в мужицкое платье, с прозвищем «Андрей Враль» заключила его в Ревельскую крепость. Так как Владыка не переставал обличать ее антицерковные меры, он был замурован в Ревельском рavelине, где он скончался от холода и лишений в 1772 г.

Естественно, при таких условиях внутренняя церковная политика не могла быть на высоте. Ввиду того что единственная православная Белорусская епархия отошла к России после первого раздела Польши, некому стало поставлять священников для оставшихся в королевстве православных. Вскоре там оцутился недостаток священнослужителей и для треб стали приезжать из Молдавии и Валахии!

В 1773 г. императрица, повторимся, вернула из ссылки злейшего врага Православия епископа Солтыка.

Рассуждая о морали в политике, Солтык объявил русскому посланнику Штакельбергу: «То, что вы называете обманом, я называю политической шуткою, хитростью, позволенную в подобных случаях, наконец «restrictio mentalis» (см. ч. I, гл. V, § 6). Знайте, что я смелому учился у иезуитов». Штакельберг ему ответил: «Я не учился у иезуитов и ненавижу макиавеллизм; религию и нравственность я никогда не брал для прикрытия интереса моих страстей» (Соловьев, т. XXIX, с. 43).

роны униатов. Группа заговорщиков подняла восстание в Подолии, Люблине и Галиции, направленное против России и православного населения Польши, под предлогом защиты шляхетских свобод и католической веры. Заговорщики назвались Барскими конфедератами. Их отряды достигли вскоре 8 000 человек. Они полностью состояли из шляхты. Народ остался в стороне от восстания, шляхетские свободы ему были безразличны.

Противостояние быстро перешло в боевые действия. 26 марта 1768 года Понятовский обратился за помощью к Екатерине II с просьбой об оказании военной помощи и получил её. Но еще когда Понятовский обращался к Екатерине II с просьбой об оказании военной помощи, начались крестьянские волнения на Украине, в Литве и на части территорий самой Польши. Крестьяне выступали против экономической и религиозной политики римско-католического шляхетства.

Основным занятием восставших конфедератов был грабеж населения. Ожесточенную ненависть они проявляли в отношении православных. Священников запрягали в плуги, били розгами, забивали в колодки. Млиевского ктитора Данилу Кушнира они обвязали паклей и заживо сожгли. Эти зверства и вызвали протест православного населения. Насилия униатов породили в Малороссии страшную реакцию — «гайдамаков», предводимых запорожским казаком Железняком и крестьянином Гонтой. Гайдамаки учинили жестокую расправу над латинянами.

Один из отрядов Железняк преследовал конфедератов до местечка Балты на турецкой границе. Турки взяли конфедератов под защиту и напали на преследователей. Разгоряченные казаки нанесли поражение и туркам. При этом они так увлеклись погоней, что перебили поляков, укрывшихся на турецкой территории. Этот инцидент был использован турецким султаном для объявления войны России. Бунт гайдамаков пришлось укрощать при помощи русских войск князя Репнина, что тяжко отразилось на народе.

Конфедератам, не без давления Ватикана, оказали серьезную поддержку французы. Министр иностранных дел Франции герцог Шуазель направил в Польшу своего агента де Толеса с деньгами. В 1770 году в Речь Посполитую с большими деньгами направляется генерал Шарль Демурье.

Демурье энергично взялся за реформирование армии конфедератов. Для этого он предложил в командующие принца Карла Саксонского и выписал из Франции офицеров всех родов войск. Он надеялся собрать армию в 60 000 человек и двинуть ее в тыл войскам Румянцева в Молдавию, а затем вместе с турками повернуть на Смоленск и Москву. Однако надежды его не увенчались успехом.

Против Демурье выступил Александр Васильевич Суворов. В мае 1771 г. он нанес сокрушительное поражение войскам Демурье при Ланцкроне. Раздосадованный французский генерал навсегда уехал во Францию. Немалая часть конфедератов бежала в Османскую империю.

Наконец, внутренние смуты в Польше и победы Суворова положили конец польской независимости. Пруссия и Австрия ввели в Польшу свои войска и воспользовались русскими победами в своих интересах, за счет Речи Посполитой.

В 1772 году Барская Конфедерация сложила оружие. Но не сложили оружие конфедераты. Они жаждали реванша, Польская шляхта и римско-католическая церковь не могли не понимать, смута в России отвлечет её внимание и силы от Речи Посполитой, и, в конечном счете, поможет освобождению от ненавистного короля, избранного усилиями России.

По странному стечению обстоятельств, именно в этом году на Яике появляется Пугачев, призывающий казаков бежать к туркам, а в Европе впервые заявляет о себе будущая княжна Тараканова.

События, надо сказать, знаковые⁸⁶. А, главное, интересно само время их появления. Боевые действия для России в войне с турками складывались весьма успешно. Захвачен Крымский полуостров. Крымское ханство объявляется самостоятельным государством и подписывает с Россией мирный договор.

Развитие русско-турецкой войны шло по столь выгодному для русской армии сценарию, что уже к концу 1769 года перед Российской империей замаячила перспектива установления контроля над проливом Дарданеллы с возможностью высадки русского десанта в Константинополе. Турция готовилась начать мирные переговоры с Россией. Боевые действия приостановились. Они не ведутся весь 1772 год и начало 1773 года. Все это время в Фокшанах и Бухаресте ведутся дипломатические переговоры с турецким уполномоченным, согласовывается текст мирного соглашения.

Но этот мир не устраивает Францию. Она всячески старается заставить турок продолжать войну. Камнем преткновения в мирных переговорах становится крымский вопрос: Турция, подстрекаемая Францией, не соглашается признать независимость Крымского ханства. В апреле 1773 года боевые действия между русскими и турецкими войсками возобновляются.

И именно в это время на Яике появляется Пугачев. Он появляется — такое совпадение! — в нужное время: русские войска испытывают временные проблемы, отходят на левый берег Дуная, где и останавливаются на зимовку 1773-1774 года. И появляется Пугачев в нужном месте — близ уральских военных заводов.

Не в недрах ли тайной политики Англии и Франции рожден замысел о соз-

⁸⁶«Магнаты и шляхта, составившие единственную причину всех злоключений Польского государства, были поражены этою вестью. Не наученные опытом, вздумали они продолжать борьбу с Екатериной II, которую считали единственною виновницей ослабления их отечества. Со множеством подручной шляхты некоторые из магнатов отправились в Западную Европу возбуждать против России тамошние правительства. Но в одной только Франции они имели некоторый успех: польская эмиграция свила в Париже теплое для себя гнездо, существующее, как известно, и в настоящую пору. Потомок русского великого князя Юрика Михаил Казимир Огинский, напоольный гетман литовский, посланный Станиславом Понятовским в качестве посланника к Людовику XV с протестом против намерения трех соседних держав отнять у Польши значительные области, жил в Париже, напрасно вымалывал у Шуазеля деятельной помощи против Екатерины и просил о поддержке султана. Как официальному лицу, королевскому посланнику, Огинскому не приходилось быть в близких и прямых сношениях с противниками своего государя — конфедератами, но в тайных сношениях с ними он находился ради одной цели — вреда России. Богатейшим из эмигрантов был князь Радзивил, живший преимущественно в приречинском крае и приезжавший иногда в Париж. С ним посол Станислава Понятовского находился в тайных сношениях.

Между тем на востоке России в 1771 году возник так называемый «Яикский бунт». Яикские (ныне уральские) казаки, недовольные нововведениями в их внутреннем управлении, восстали открыто, но были усмирены вооруженною силой. Возмущение было подавлено, но недовольство казаков еще более усилилось. Они представляли самую удобную почву для внутренних замешательств, которые могли грозить серьезною опасностью государству. Замешательства не замедлили обнаружиться: летом 1773 года явился Пугачев. Пугачевский бунт — явление доселе еще не разъясненное вполне и со всех сторон. Дело о пугачевском бунте, которого не показали Пушкину, до сих пор запечатано, и никто еще из исследователей русской истории вполне им не пользовался.

Пугачевский бунт был не просто мужицкий бунт, и руководителями его были не донской казак Зимовейской станции с его пьяными и кровожадными сообщниками. Мы не знаем, насколько в этом деле принимали участие поляки, но не можем и отрицать, что они были совершенно непричастны этому делу. В шайках Пугачева было несколько людей, подвизавшихся до того в Барской конфедерации. Враждебники России и Екатерины, кто бы они ни были, устроив дела самозванца на востоке России, не замедлили поставить и самозванку, которая, по замыслу их, должна была одновременно с Пугачевым явиться среди русских войск, действовавших против турок, и возмутить их против императрицы Екатерины. Это дело — бесспорно польское дело. Князю Радзивилу, или, вернее сказать, его приближенным, ибо у самого «пане коханку» едва ли бы достало на то смысла, пришла затейная мысль: выпустить из Западной Европы на Екатерину еще самозванного претендента на русский престол». (П.И. Мельников-Печерский. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская).

дании смуты в России? И конфедераты были в курсе этих замыслов. По крайней мере, уж слишком своевременно для их интересов Россия оказалась охвачена внутренним мятежом.

* * *

Как-то мало у нас задумываются и над тем, что именно Оренбуржье и Южный Урал были избраны Пугачевым для начала своего бунта. А ведь именно в этом регионе были расположены заводы, изготавливающие пушки для русской армии. Пугачев, захватывая промышленные заводы, их не разрушал. Наоборот, он их активно использовал для вооружения своей армии. Горные заводы Урала имели в своем распоряжении массу ресурсов, большие хлебо-фуражные, сырьевые и денежные запасы. Здесь же находились запасы пороха, свинца, орудийных ядер, множества отлитых пушек. Здесь напомним, **к концу февраля 1774 года войска Пугачева овладели 92 металлургическими заводами. Это составляло 75 % горнозаводской промышленности Урала!**⁸⁷ В разгар русско-турецкой войны России был нанесен самый настоящий удар в спину, она, по сути, лишалась «оборонки», сосредоточенной главным образом на Урале.

Лишь в июне 1774 года, после того, как началось преследование Пугачева И.И. Михельсоном, и он бежит с Урала на Волгу, а затем на Дон, тактика его меняется. Он не только не запрещал, но всячески поощрял разрушение заводов и крепостей, которыми правительство могло воспользоваться для борьбы с ним.

«Покидая Белорецкий завод, Пугачев приказал сжечь Авзяно-Петровские, а потом и Белорецкий заводы. Жгли не только «заводские», но и «крестьянские строения». «Семейства крестьянские, престарелых, малолетних и женск пол» с Белорецкого завода самозванный царь повелел «гнать за своей толпой». Впоследствии были выжжены и многие другие заводы. Особенное усердие в этом деле проявляли башкиры, в частности Салават Юлаев со своим отцом. Конечно, заводы уничтожались и раньше, но никогда прежде это не происходило по приказанию самого «амператора», ибо во время осады Оренбурга заводы служили для нужд его армии. Теперь же, отступая, самозванец в них не нуждался — напротив, они представляли для него опасность, ибо могли стать опорными пунктами для правительственных войск, а оставшиеся на них приписные крестьяне — проводниками для преследователей, плохо ориентировавшихся в малознакомой местности»⁸⁸.

То лето принесло победу русской армии. Война с Османской империей завер-

⁸⁷Здесь отметим, заводские рабочие встречали «слуг царевых» не только хлебом-солью, но и свинцом-порохом.

«Уткинский завод защищался сержантом Курловым с шестью солдатами и набранными с заводов мастеровыми против пугачевского полковника Белобородова в течение 3 дней и лишь на четвертый был взят, причем потери с обеих сторон простирались до тысячи человек.»

Сысертский завод уцелел только благодаря рабочим, они, «вооруженные своим хозяином, успешно отставали завод против осаждавшей толпы.»

Ждали военной помощи крестьяне Белорецкого завода. Из прошения к коменданту Верхнеяицкой крепости: «Хлеб башкиры сожгли, так же дама наши жгут и приводят нас в крайнее разорение и убожество. Того ради вспоможения слезно просим, хотя не большую команду нам прислать.»

Долго не сдавался Белорецкий завод. «В декабре и январе заводчане стойко и умело отбивали пушечным и ружейным огнем нападения башкирских отрядов». Потеряв 62 человека убитыми (том числе 14 женщин), не дождавшись подмоги, они прекратят сопротивление.

В апреле на покоренный завод вступил разбитый накануне Пугачев. Почти месяц он будет отдыхать. Уходя, народный заступник «велел башкирцам семействы крестьянские...гнать за своей толпой». Опустевший завод был разграблен и сожжен. Возможно, это была месть. Именно так считал сам владелец завода, который писал по поводу его уничтожения: «потому резону, что крестьяне заводские сперва имели оборону, а потом по призыву его, Пугачева, не пошли к нему». – Прим. автора.

⁸⁸Евгений Трефилов. Пугачев. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 242.

шилась подписанием 10 июля 1774 года Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Русская армия столь стремительно наступала, что взятие Константинополя было вопросом нескольких недель. Султану Абдул-Хамиду I ничего не оставалось делать, как подписать невыгодный мир с Россией.

В августе И.И. Михельсон успешно завершил преследование Пугачева. Пугачев схвачен своими соратниками и сдан властям. Смута была жестоко пресечена.

Об ущербе, нанесенном Пугачевым российской экономике, говорят следующие данные: «...сумма понесенных заводовладельцами убытков достигла огромных размеров — 1 165 781 руб. Ущерб мастерам, работным людям и приписным крестьянам (сожжены их дома, разграблено имущество) был внушителен — 1 089 759 руб... На восстановление разрушенного (заводов, рудников, помещичьих имений и т. д.) потребовался не один год и не один десяток тысяч рублей. А сколько времени ушло на достижение прежних объемов производства, на его наращивание? Об этом можно только гадать, таких подсчетов никто не делал»⁸⁹.

Никто не подсчитывал и налоговые недоборы. Историк Михаил Жижка приводит такой факт: «Сенатский курьер Полубояринов, прибывший 17 января 1774 года в Саратов с депешами из Петербурга, свидетельствовал, что от самой Пензы и до Саратова «все крестьяне как государевы, так и помещичьи», отказывались платить подати, имели «уверение» от Пугачева, что все они «будут вольны и независимы ни от кого»⁹⁰.

* * *

«Немало источников сохранилось об участии на стороне пугачевцев польских конфедератов, на что первым обратил внимание А.С. Пушкин, — пишет А.С. Мыльников. — <...> Раздираемая внутренними противоречиями, Барская конфедерация потерпела в августе 1772 года окончательное поражение. Большая часть ее консервативных лидеров бежала в Германию и Францию. Рядовых же конфедератов, среди которых были и представители патриотически настроенных шляхетских кругов, и выходцы из украинских и белорусских земель, с 1769 годов, направляли в глубинные районы России... Их либо размещали на поселение (часть поляков-католиков приняла православие и решила навечно остаться в России), либо ввиду нехватки военных кадров определяли в русскую армию солдатами и офицерами... Позднее... конфедерат К. Хотецкий писал, что всего в России насчитывалось 9800 поляков. По большей части они были сосредоточены в Казани (около 7 тысяч человек и Оренбурге (около 1 тысячи человек). Некоторые контингенты конфедератов содержались также в Тобольске, Таре, Тюмени, Иркутске и других сибирских городах. Получилось так, что основные места их расположения вскоре попали в силовое поле Крестьянской войны 1773–1775 годов»⁹¹.

Некоторая часть конфедератов открыто переходила на сторону повстанцев. Первые перебежчики появились в период осады Оренбурга. «Они обслуживали артиллерию, участвовали в конных рейдах, выполняли другие боевые задания», — пишет А. Мыльников⁹². Он же отмечает: «Е.И. Пугачев, однако, понимал, что у примкнувших к нему поляков имелись свои интересы и виды на будущее. И в

⁸⁹См.: «История России с древнейших времен до начала XXI в.»; под редакцией академика А. Н. Сахарова. М.: АСТ; Астрель; Хранитель, 2007. 20... С. 567, 569.

⁹⁰М. В. Жижка. Емельян Пугачев. — 2-ое издание. — М.: Учпедгиз, 1950. С. 110.

⁹¹А. Мыльников. Петр III. М., Молодая гвардия, 2009, с.274-275.

⁹²Там же. С.277.

общении с ними он затрагивал эту тему. Так, Заболоцкий вспоминал, что в беседах с ним «Петр III» Пугачев говорил, что в случае прихода к власти установит с Польшей дружеские отношения и заключит союзный договор»⁹³.

О замыслах конфедератов можно судить по их действиям. Сосланный на Камчатку активный участник Барской конфедерации М.А. Беневский, в ночь с 26 по 27 апреля 1771 года, с группой единомышленников, перебив охрану, устроил побег из Большерецкого острога. Беглецы решили морем добраться до Франции. Перед отплытием они принесли присягу великому князю Павлу Петровичу. Одновременно в Сенат было послано «Объявление», в котором императрица Екатерина II подвергалась резкой критике. Беневский обвинял её в незаконном захвате власти, убийстве мужа и устранении от престола сына. Ей же вменялось в вину, что она отдала соляные и рыбные промыслы на откуп своим поделщикам. Удивительно, текст «Объявления» едва ли не повторяет по содержанию манифест Пугачева, зачитанный на Яике 17 сентября 1773 года⁹⁴.

* * *

Скажем и об одном из главных руководителей «Барской конфедерации» великом гетмане литовском Кароле Радзивиле⁹⁵, с именем которого связано появление на политической арене княжны Елизаветы II (Таракановой).

Первое появление её на политической сцене относится к весне 1772 г., когда она объявляется в Париже, именуя себя то княжной Волдомир, то персианкой Али-Эмете. Католический писатель-историк де Кастера, в своей книге «Жизнь Екатерины II», сообщает, в 1767 году, польский вельможа Кароль Радзивилл, ярый противник России, взял на воспитание девочку, которую молва называла дочерью Елизаветы Петровны и которую Радзивилл выпустил позже на подмостки истории в роли самозванки⁹⁶.

⁹³Там же. С. 278.

⁹⁴«Я — Ваш законный император. Жена моя увлеклась в сторону дворян, и я поклялся... истребить их всех до единого. Они склонили ее, чтобы всех вас отдать им в рабство, но я этому воспротивился, и они вознегодовали на меня, подослали убийц, но Бог спас меня. [После победы обещание пожаловать казаков, татар, калмыков] рязкою с вершины и до устья и землею и травами и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом, и вечною вольностью. Я, великий государь император, жадую вас.

Петр Федорович 1773 году сентября 17-го».

(Из манифеста Емельяна Пугачева).

⁹⁵Кароль Станислав Радзивилл по прозвищу «Пане Коханку» (27 февраля 1734, Несвиж — 21 ноября 1790, Белая) — литовский князь из рода Радзивиллов, воевода виленский с 1762 г. Один из самых богатых и влиятельных дворян Великого княжества литовского. Владел семью городами и множеством деревень. Его доход был равен ежегодным поступлениям в казну Великого княжества литовского. Названный по его любимому присловью, «Пане Коханку» — любимец шляхты. Содержал 10 тысяч регулярного войска, выступал против партии Чарторыйских, от которой спасался в Турции, примкнул было к Барской конфедерации и по сдаче Несвижа русским войскам эмигрировал за границу, но потом вернулся и был прощен Екатериной II. Владел приличным состоянием, предпочитал жить на широкую ногу. Однажды в жаркую летнюю ночь он обещал, что утром наступит зима. Магнат приказал посыпать дорогу до замка дорогостоящей по тем временам солью и наладил по ней катание на санях. — Прим. автора.

⁹⁶«По известию, сообщаемому Кастерой, [«Histoire de Catherine II», том II, стр. 80.] князь Карл Радзивил, палатин виленский, еще в 1767 году взял на свое попечение дочь Елизаветы Петровны, то есть отыскал где-то девочку, способную разыграть роль самозванки. В самом начале Барской конфедерации Радзивил ушелся за границу. Трудно определить, кто именно была эта девочка. Одни считали ее дочерью султана, другие приписывали ей знатное польское происхождение, третьи полагали, что родители ее неизвестны, но что она должна была в Петербурге выйти замуж за внука принца Георга Голицинского. Впоследствии, когда она была уже привезена в Петропавловскую крепость и фельдмаршалом князем Голицыным производилось о ней следствие, английский посланник сказывал в Москве Екатерине, что она родом из Праги, дочь тамошнего трактирщика, а консул английский в Ливорно, сэр Дик, помогший графу Орлову-Чесменскому взять самозванку, уверял, что она дочь нюрнбергского булочника. Трудно теперь решить, которое из этих указаний более справедливо, и согласно

В конце 1773 года «княжна» вновь встретила с великим гетманом литовским Каролом Радзивиллом. О чем они беседовали на сей раз — неизвестно, зато в переписке, которая началась между ними после свидания, говорилось о многом. Например, планировалось поднять в поддержку Пугачеву восстание в Польше и в белорусских землях, а также посетить Стамбул и попросить у турецкого султана помощи против России. В этом Радзивилла и «княжну» поддержал французский король.

Со своей стороны самозванка обещала Радзивилу вернуть Польше отторгнутые от нее области, свергнуть Понятовского с престола и восстановить Польшу в том виде, в каком она находилась при королях саксонской династии. В одном из своих писем князь Радзивил говорит самозванке: «Я смотрю на предприятие вашего высочества, как на чудо провидения, которое бдит над нашею несчастною страной. Оно послало ей на помощь вас, такую великую героиню»⁹⁷.

В 1774 году «княжна Елизавета II» стала распускать слухи, что Пугачев её родной брат и действует с ней заодно. Иногда она называла его «князем Разумовским», лишь принявшим имя Пугачева⁹⁸. Но чем ближе казался ей российский престол, тем всё настойчивее отдаляла она себя от «родства» с Пугачевым.

Трудно со всей определенностью утверждать о наличии непосредственных связей «княжны Елизаветы II» и её сторонников с планами беглых вождей конфедератов, замечает А.С. Мельников, но то, что деятельность тех и других не просто совпадала во времени, но и перекликалась — несомненно.

ли которое-нибудь с истиной, но, принимая в соображение замечательное образование загадочной женщины, ее ловкость в политической интриге, ее короткое знакомство с дипломатическими тайнами кабинетов, ее умение держать себя не только в среде лиц высокопоставленных, но даже в кругу владетельных немецких государей, трудно поверить, чтоб она воспитывалась в трактире или булочной. Нельзя не согласиться с составителем «Записки», напечатанной в «Чтениях»: «едва ли удастся когда-либо открыть, кто и откуда была самозванка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны». Но кто бы ни была эта загадочная женщина, она была созданием польской партии, враждебной королю Понятовскому, а тем более еще императрице Екатерине. Поляки — большие мастера подготавливать самозванцев; при этом они умеют так искусно хоронить концы, что ни современники, ни потомство не в состоянии сказать решительное слово об их происхождении. Более двух с половиною веков тому назадпустили они в Россию Лжедмитрия и даже не одного, но до сих пор никто из историков не может с положительною уверенностью сказать: кто такой был самозванец, известный у нас под именем Гришки Отрепьева, и кто был преемник его, вор Тушинский. То же самое и в деле самозванки-дочери Елизаветы Петровны. Но как несомненно участие отцов иезуитов в подготовке Лжедмитрия, так вероятно и участие их в подготовке самозванки, подставленной князем Радзивиллом. Самому Карлу Радзивилу, без помощи столь искусных пособников, едва ли бы удалось выдумать «принцессу Владимирскую». Этот человек, обладавший несметными богатствами, отличавшийся своими эксцентричными выходками, гордый, тщеславный, идол кормившейся вокруг него шляхты, был очень неоале. Его ума не хватило бы на подготовку самозванки, если бы не помогли ему люди, более на то искусные. Он только сыпал деньгами, пока они у него были, и разыгрывал в Венеции и Рагузе перед публикой комедии, обращаясь с подставною принцессой, как с действительною дочерью императрицы всероссийской. Кто бы ни была девушка, выпущенная Радзивиллом на политическую сцену, но, рассматривая все ее действия, читая переписку ее и показания, данные фельдмаршалу князю Голицыну в Петропавловской крепости, невольно приходишь к заключению, что не сама она вздумала сделаться самозванкой, но была вовлечена в обман и сама отчасти верила в загадочное свое происхождение. Поляки так искусно сумели опутать молоденькую девочку сетью лжи и обмана, что впоследствии она сама не могла отдать себе отчета в том, кто она такая. На краю могилы, желая примириться с совестью, призвав духовника, она сказала ему, что о месте своего рождения и о родителях она ничего не знает «Я помню только, — говорила она в последнем своем предсмертном показании князю Голицыну, — что старая нянька моя, Катерина, уверяла меня, что о происхождении моем знают учитель арифметики Шмидт и маршал лорд Кейт, брат которого прежде находился в русской службе и воевал против турок. Этого Кейта я видела только однажды, мельком, проездом через Швейцарию, куда меня в детстве возили на короткое время из Кля. От него я получила тогда и паспорт на обратный путь»... Кроме того, она объяснила, что еще в детстве жила в Киле, что из тамошних жителей помнит ... учившего ее арифметике Шмидта. «Меня постоянно держали в неизвестности о том, кто были мои родители, — говорила она перед смертью князю Голицыну, — да и сама я мало заботилась о том, чтоб узнать, чья я дочь, потому что не ожидала от того никакой себе пользы». (П.И. Мельников-Печерский. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская).

⁹⁷См.: П. И. Мельников-Печерский. Упомянутое соч.

⁹⁸Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. с. 138.

Мог ли знать о подобных тайнах Емельян Иванович Пугачев? И не этого ли боялась Екатерина II, отправляя на вечное заточение в Кексгольмскую крепость близких Пугачеву людей? Не страх ли, что жены Пугачева, чрез мужа, могли узнать государственные тайны и стать их хранителями (а с ними, позже, и дети Пугачева), руководил действиями императрицы. Не потому ли так сурово обошлась с ними.

Александр I, вступив на престол, из 700 заключенных оставил в прежнем положении 115 человек, в том числе семью Пугачева. 2 июня 1803 года, путешествуя по северо-западу, российский император прибыл в Кексгольм. «Обозрев оную крепость, повелел содержащихся в крепости жен известного Емельяна Пугачева с тремя детьми из-под караула освободить, предоставить им жительство иметь в городе свободное с тем, однако, чтоб из оного никуда не отлучались, имея при том за поступками их неослабное смотрение»⁹⁹.

* * *

«Одной из «столичных» версий, которая в пушкинские времена бытовала полноправно, можно назвать связь Пугачева с масонами, уже имевшими в то время значительное влияние (в масонах, к примеру, состояли братья Панины и будущий император Павел I), — пишет уральский краевед Вячеслав Лютов¹⁰⁰. — Как только появились первые известия о бунте, по Петербургу поползли устойчивые слухи о том, что весь мятеж произрос из петербургских масонских лож — благо, влиятельным вельможам устроить подобный «эксцесс» не составило бы особого труда. Сразу же для примера припомнили и давно почивших стрельцов, чьими силами оппозиция Романовых пыталась совершить переворот.

«Дерзкого» Пугачева, конечно, в «вольные каменщики» принимать не стали¹⁰¹, но идея оживить Петра III и посредством бунта изменить политическое положение в стране вполне могла вызреть в этих недрах. Одним из аргументов этой версии современные исследователи выдвигают «относительно высокий уровень организации восстания, который не могли бы обеспечить ни сам Пугачев, ни его ближайшие помощники».

И как здесь не вспомнить, в Яицкой городок Пугачев направился в пору, когда был подавлен первый бунт яицких казаков и начала работу (в августе 1772 года) следственная комиссия во главе с подполковником Нероновым, которая немедленно приступила к поискам участников восстания и арестам.

Согласно окончательному приговору, вынесенному следственной комиссией, 16 человек «первых и главнейших зачинщиков» следовало, «наказав кнутом, вырвав ноздри и поставя знаки, сослать в Сибирь на Нерчинские заводы в работу

⁹⁹ЦГИАЛ, ф. 1286, а54, д. 9, л. 14 об.

¹⁰⁰См.: Вячеслав Лютов. «Заказанный Пушкин». Журнал «Веси», 2010 г.

¹⁰¹Истины ради, надо сказать, писатель В.Н. Емельянов в 80-е годы прошлого столетия, в одной из своих работ, писал о Е. Пугачеве и бунте, им возглавляемом, следующее: «Предварительно в 1775 году и французская, и американская революции были отрелетированы на русской крови казаком Емельяном Пугачевым, получившим посвящение в Великом Востоке Франции в период семилетней войны против Фридриха II и закреплённом его сношениями с польскими масонами, имевшими также непосредственный выход на золотую пирамиду. Масоны Западной и Центральной Европы знали поэтому о Пугачеве гораздо больше и подробнее, чем сами русские люди. Задуманное западными масонами поголовное уничтожение думающей национальной элиты русского общества руками Пугачева, конец которому на заключительном этапе положили И.И. Михельсон и А.В. Суворов, было повторено во Франции, где «гуманист» из Великого Востока врач Гильотин снабдил озверевшую масонскую свору убийц своим «великим» изобретением. Другое дело как к этой информации относиться. Автор, как видим, не указывает источник полученной им информации». — Прим. автора.

вечную». Еще 38 человек подлежали битью кнутом, но без вырывания ноздрей и клеймения, а потом отправке с женами и «малолетними детьми» на поселения в разных местах. Шестерых сознавшихся в своих преступлениях предписывалось, выпоров плетью, отправить на фронт... Беглым обещалось прощение в случае, если они вернуться в течение трех месяцев. Но казаки должны были вторично принять присягу, их обязывали заплатить огромный штраф.

«Подобное положение вещей, — замечает Е. Трефилов (автор книги о Пугачеве), — когда, с одной стороны, «непослушные» казаки должны выплачивать непосильный штраф, а с другой — большая их часть остается на воле, притом вооруженная и плохо контролируемая, означало, что новый конфликт казачества с правительством становится неизбежным».

Нельзя не согласиться с автором книги; конечно, едва ли Пугачев мыслил такими категориями, но ведь так могли мыслить другие. И в том же, кстати, Петербурге. И пусть неведомо, кто заронил в сознание Пугачева мысль о самозванстве. Но он сжился с нею. Она привела его на Яик. Вспомним, об истинной цели своего путешествия Пугачев сообщил сопровождавшему его Сытникову:

— Што, Семен Филиппович, я тебе поведаю! Вить я в Яик-то еду не за рыбою, а за делом. Я намерен яицких казаков увести на Кубань. Видишь ты сам, какое ныне гонение. И хочю я об этом с ними поговорить: согласятся ли они идти со мною на Кубань.

— Как им не согласиться? — отвечал ему спутник. — У них ныне великое идет разорение, и все с Яика бегут. Так, как им об этом скажешь, то они с радости побегут с тобою, да и мы не останемся, а пойдем все за вами.

Тогда Пугачев рассказал Семену, что «у него на границе оставлено до двух тысяч рублев товару, ис которых он то бежавшее Яицкое войско и коштовать будет».

— И как они за границу пройдут, то встретит их турецкий паша, и ежели понадобится войску денег на проход, то он, паша, даст еще до пяти миллионов рублей.

— Да што же? За што ж ты этакое жалованье давать станешь? Бога ради, что ли? — изумился Сытников.

Пугачев объяснил, что намеревается стать войсковым атаманом. Сытников эту идею одобрил и заверил, что казаки его «атаманом сделают» и пойдут с ним «с радостию». Емельян, в свою очередь, пообещал, что не забудет Семена Филипповича — став атаманом, сделает его старшиной¹⁰².

Разговоры об уходе на Кубань и о помощи турок яицким казакам Пугачев вел и на Таловом умете (постоянном дворе), верстах в шестидесяти от Яицкого городка, куда они с Сытниковым заехали переночевать. О том же говорили они и с участником недавнего бунта Денисом Пьяновым, в доме которого в Яицком городке Пугачев остановился с Сытниковым...

* * *

«К слову, о помощниках <Пугачева>. Пушкин по-своему избирателен — тех, кто не укладывался в концепцию «серых кардиналов» за Пугачевым, а больше олицетворял именно «пугачевскую сволочь», Пушкин рисует крупными штрихами, подробно, ярко, даже нарочито ярко — того же самого Хлопушу или Зарубина-Чичу. И совершенно обходит стороной тех, кто мог бы пролить свет на эту «контрразведывательную тайну».

¹⁰²См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 108, 146, 147, 228, 229; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 450 об. — 451 об.

Так, совершенно обходит стороной Ивана Белобородова, совершившего боевой рейд по южноуральским горным заводам, хотя и безошибочно называет Саткинский завод «центром пугачевщины» на горнозаводском Урале, своего рода военной ставкой, в которой профессионально были учтены все мелочи. Именно Белобородову, выходцу из Кунгурского уезда, не то из казаков, не то из старообрядцев, невесть как попавшему в свое время в Петербург на пороховую фабрику и изучившему взрывное производство, знавшему фортификацию и тактику разведки, должна по праву принадлежать история пугачевского бунта. Именно Белобородов, водивший за собой и совершенно измотавший отряд храброго Михельсона, повергавший в страх одним своим именем нерешительного Деколонга, заставивший встать под ружье весь Екатеринбург во главе с секунд-майором Гагриным, являлся наиболее опасным пугачевским атаманом.

Кто «натаскивал» Белобородова в воинской науке — неизвестно. Пушкин ограничивается лишь словами, что пугачевский полковник «пойман был в окрестностях Казани, высечен кнутом, потом отвезен в Москву и казнен смертию». Казнен весьма скоро — не дождавшись следствия...

Еще об одном человеке поэт предпочел не распространяться — о писаре Пугачева Иване Трофимове-Дубровском, подписывавшем «царские указы». Вот только одними воззваниями его деятельность не ограничивалась. Скромная запись в следственном деле, что Дубровский вел «всякое производство письменных дел», на самом деле значит очень многое. По меньшей мере, наш герой вел всю переписку Пугачева.

Адресаты могли быть самыми разнообразными. Существует весьма смелая версия о том, что Дубровский мог переписываться с теми же братьями Паниными, которым крестьянская война была «на руку». Известно, что некогда хорунжий Петр Панин, когда разгром восстания уже казался неизбежным, буквально упросил Екатерину издать указ, по которому он назначался главнокомандующим войск, сражавшихся против Пугачева. Именно Панин пресечет жизненный путь Дубровского — писаря поймали под Царицыном, перевезли в Саратов, допросили под пыткой и очень быстро казнили. Вообще, сама скорость показательна. Панин не стал дожидаться никаких «следственных мероприятий» и ликвидировал свидетеля — казнили и забыли...

В отношении Дубровского князь Потемкин позднее напишет Екатерине: «А допрос Дубровского, написанный его собственной рукой, и точно тою, какой были писаны все манифесты, доказывает ясно, что он был всех умнее». И добавлял уже с нескрываемой горечью и раздражением: «Извольте всемиловитейшая государыня усмотреть, сколько можно было из него изведать. Но, к сожалению, он умер в Саратове, и тайны нужные вместе с ним погребены...»

Стоит думать, что под этими словами мог бы подписаться и Пушкин, выстраивавший в голове несколько версий «волшебного превращения» неграмотного и дикого Пугачева в Петра III, продумавшего систему управления широкими массами¹⁰³, полномасштабную «идеологическую» обработку населения и вполне сла-

¹⁰³Число вовлеченных в пугачевщину достигало более 20 тысяч человек. Управление ими становилось задачей весьма трудной. Чтобы облегчить эту задачу, в ноябре 1773 года в армии Пугачева была учреждена «военная коллегия» — своеобразное повстанческое правительство. Надо отметить, ни во времена Разина, ни во времена Булавина мятежники ничего подобного не создавали. (В конце марта 1774 года Пугачев приказал сжечь архив «Военной коллегии»). «Пугачевское войско, — пишет Е. Трефилов, — состояло из главной армии и множества отрядов, действовавших в разной степени отдаленности от ставки самозванца. Само войско делилось на полки, как правило, формировавшиеся по национальному, социальному или территориальному принципу, например полки яицких или илецких казаков, заводских крестьян, пленных солдат, башкир, татар, калмыков.

женную систему «государственных институтов», пусть и в пределах своей Пугачевии»¹⁰⁴.

* * *

Говорят, по смерти человека можно судить о его жизни. Так ли, не так ли, не знаю.

В сентябре 1774-го Пугачева обложили крепко: «к преследовавшим мятежника Михельсону, Меллину и Муфелью присоединился Суворов (тогда генерал-поручик. — Л.А.); они переправились за Пугачевым через Волгу и там осетили его со всех сторон, отрезав всякую возможность вырваться»¹⁰⁵.

Ставка самозванца была на реке Узени близ урочища Александров гай. Пугачев намеревался, переправившись через Узень, повернуть к Каспийскому морю и овладеть Астраханью, умножившись там живой силой. А в дальнейшем соединиться с яицкими, донскими, терскими и гребенскими казаками, в чем Пугачев, по его собственным словам, не сомневался.

Совет «генералов» согласился на это предложение Пугачева 13 сентября. В поход решено было выступить 15-го. «Но образумившиеся Чумаков, Творогов и Федулов, — писал П.С. Рунич, — видя, что они с Пугачевым погибнут, дабы спасти себя, сделали в ночь заговор: на 14-е число Пугачева схватить и предать в руки правосудия»¹⁰⁶.

Согласно повествованию П.С. Рунича, заговорщики назначили на тот день в караул своих единомышленников, а конвойному начальнику приказали подготовить для Пугачева другую лошадь — как оказалось, самую худшую...

Похоже, не случайно в ставке появились трое монахов, которые «пришли императору поклониться и поднести ему два арбуза, узнав, что... изволит его величество выступить в поход».

Монахов впустили, арбузы у них приняли, и Пугачев, «вынув нож свой, который всегда имел при своем поясе, подал оный Чумакову, сказав ему:

— Разрежь этого великана, мы его отведем и поедем к лагерю».

Чумаков, приняв нож, мигнул Творогову и Федулову и вдруг закричал: «Мы обманывались! Ты не государь, а изменник и бунтовщик!»

Пугачев, словно ожидавший подобного, стрелой выскочил из шатра, крича:

— Лошадь мне! Измена, измена!

Казак подвел ему лошадь, и самозванец, не заметив подмены, вскочил на нее и поскакал к лагерю. «Генералы»-заговорщики быстро догнали «государя» (с ними уже было человек сорок казаков) и, изрубив в куски брата «императрицы Устиньи», который бросился было с саблей отбивать родственника, окружили Пугачева.

Увидев безнадежность своего положения, он протянул Творогову руки:

— Вяжи!

Самозванца повезли в Яицкий городок, у ворот которого их нагнал генерал-поручик Александр Васильевич Суворов и «взял Пугачева под свое ведение и распо-

Командовал полком полковник или атаман, происходивший из той же среды». Есть сведения, что в главной армии проводились учения. Бунтовщиков обучали военному делу. — Прим. автора.

¹⁰⁴См.: Вячеслав Лютов. «Заказанный Пушкин». Журнал «Веси», 2010 г.

¹⁰⁵«Исторический вестник», СПб., 1884, т. XVI, стр. 623.

¹⁰⁶См.: Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте // Русская старина, Том 2. 1870

ражение», приписав поимку самозванца себе. Потом в деревянной клетке привез его в Симбирск и сдал главнокомандующему правительственными войсками (после А.И. Бибикова) графу Петру Ивановичу Панину, после чего уже генерал-аншеф Панин приписал себе заслугу поимки Пугачева. Кстати, на ведущую роль в том, что с Пугачевым случилось, претендовали еще генерал-майор Потемкин и, отчасти, гвардии поручик Гавриил Романович Державин, деятельно проявивший себя в подавлении Пугачевского бунта...

«По прибытии в Москву, Пугачев содержался на монетном дворе и занимал особую комнату, имеющую вид треугольника. Цепи имел на руках, ногах, и укрепленную в стене, поперек тела. Стража состояла из 10-ти человек Преображенцев и роты 2-го Гренадерского полка, под командою капитана Карташева. Главным же начальником конвоя был Гвардии Преображенского полка капитан Галахов, сопровождавший его от Симбирска до Москвы и находившийся при нем по день казни, т. е. по 10-е Генваря 1775-го года.

В продолжении заключения своего Пугачев не показывал робости, сохраняя равнодушие. Одет был со времени плена в нагольной тулуп...»¹⁰⁷

...29 декабря 1774 года в Кремлевском дворце начался суд. В состав суда вошли члены Сената и Синода, президенты коллегий, десять генералов, два тайных советника. Ведение дела было поручено генерал-прокурору А.А. Вяземскому. Через несколько дней состоялся приговор, утвержденный Екатериной II. Пугачев был приговорен к прижизненному четвертованию и казни на плахе.

Помимо расправы со всеми непосредственными соратниками Пугачева приговор устанавливал казнь через повешение одного человека на каждые три сотни крестьян в охваченных восстанием районах. Всех остальных указано было «пересечь жестоко плетьюми и у пахарей, негодных в военную службу, на всегдашнюю память злодейского их преступления, урезать у одного ухо».

«Везли Пугачева на казнь в цепях, на зимнем ходу четверкою с ефрейтором. На санях был амвон, на котором возвышенно и сидел Пугачев вместе с духовником своим, увещающим его к раскаянию. Народу было большое стечение. Пугачев часто обращался к окружающим и говорил, что он самый тот Пугачев, который назывался Петром III-м...»¹⁰⁸.

Читаем у Пушкина:

«С утра бесчисленное множество народа столпилось на Болоте, где воздвигнут был высокий намост. На нем сидели палачи и пили вино в ожидании жертв. Около намоста стояли три виселицы. Кругом выстроены были пехотные полки. Офицеры были в шубах по причине жестокого мороза. Кровли домов и лавок усеяны были людьми; низкая площадь и ближние улицы заставлены каретами и колясками. Вдруг все заколебалось и зашумело; закричали: везут, везут! Вслед за отрядом кирасир ехали сани с высоким амвоном. На нем с открытою головою сидел Пугачев, насупротив его духовник. Тут же находился чиновник Тайной экспедиции. Пугачев, пока его везли, кланялся на обе стороны. За санями следовала еще конница и шла толпа прочих осужденных. Очевидец (в то время едва вышедший из отрочества, ныне старец, увенчанный славою поэта и государственного мужа) описывает следующим образом кровавое позорище:

«Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачев и любимец его

¹⁰⁷Из воспоминаний Н.З. Повало-Швыйковского.

¹⁰⁸Там же.

Перфильев в препровождении духовника и двух чиновников едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово: на караул, и один из чиновников начал читать манифест. Почти каждое слово до меня доходило.

При произнесении чтением имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицеймейстер спрашивал его громко: «Ты ли донской казак, Емелька Пугачев?» Он столь же громко отвечивал: «Так, государь, я донской казак, Зимовейской станицы, Емелька Пугачев». Потом, во все продолжение чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился, между тем как сподвижник его Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю. По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота.

Читавший манифест последовал за ним. Тогда Пугачев сделал с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратясь к соборам, потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся во все стороны, говоря прерывающимся голосом: «*прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил пред тобою; прости, народ православный!*» При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтаныя. Тогда он сплеснул руками, повалился навзничь, и в миг окровавленная голова уже висела в воздухе: палач взмахнул ею в воздухе...»

Палач имел тайное повеление сократить мучения преступников. У трупа отрезали руки и ноги, палачи разнесли их по четырем углам эшафота, голову показали уже потом и воткнули на высокий кол. Перфильев, перекрестясь, простерся ниц и остался недвижим. Палачи его подняли и казнили так же, как и Пугачева. Между тем Шигаев, Падуров и Торнов уже висели в последних содроганиях...

В сие время зазвенел колокольчик; Чику повезли в Уфу, где казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговые казни; народ разошелся: осталась малая кучка любопытных около столба, к которому, один после другого, привязывались преступники, присужденные к кнуту. Отрубленные члены четвертованных мятежников были разнесены по московским заставам и несколько дней после сожжены вместе с телами. Палачи развеяли пепел. Помилованные мятежники были на другой день казней приведены пред Грановитую палату. Им объявили прощение и при всем народе сняли с них оковы.

Так кончился мятеж, начатый горстию непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства и поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов»¹⁰⁹.

Здесь мы и поставим точку.

P.S. Не могу не сказать в заключение следующее: предложенная работа — не научный труд. Моей задачей было познакомить с опубликованными и малоизвестными материалами, чтобы пробудить у читателя интерес к загадочному делу и, в конечном итоге, к русской истории.

Печатается в сокращенном журнальном варианте.

¹⁰⁹ А.С. Пушкин. История Пугачева. М., КРАСАНД, 2014. С. 70-72